

Галина Пономарева*

КУЛЬТУРНЫЙ ГЛАМУР ВМЕСТО ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО

Этим развернутым печатным выступлением я выдвигаю конструктивную инициативу по воссозданию бывшего имения Достоевских, что является большой культурной задачей, не решенной до сих пор, хотя она и стоит перед нами многие десятилетия. Что Даровое из нынешнего запустения должно восстать в культурный памятник, по значению подобный толстовской Ясной Поляне, — об этом говорят и пишут все. И едва ли кто возразит на то, что этому памятнику предполагало быть под эгидой и охраной государства, быть национальным достоянием. Между тем проблематика реконструкции Дарового в научном и общественном сознании в связи с уже появившимися исследованиями, проектами, проводимыми работами, обостряется. И проблемы сходятся в одном фокусе — музея, поскольку создание мемориала (заповедника) и есть генеральная задача. Ее предстоит решать, конечно же, путем диалога, в этот диалог я как ученый-музейщик включаюсь со своей инициативой. Диалог, как оказывается, влечет и полемику — мировоззренческую, профессиональную — в области теории и практики музейного дела. Ведь процесс создания мемориала заведомо сложный, он скрещивает разные и не образующие сегодня единство и гармонию точки зрения.

* **Об авторе:** Пономарева Галина Борисовна — заслуженный работник культуры России, заведующая Музеем-квартирой Ф.М. Достоевского в Москве.

Полемика составит большую долю моего материала, хотя его конечная цель конструктивная, подчиненная же ей полемика проясняет мою позицию и предложения по решению стоящей перед нами задачи. Полемика вызвана конкретным поводом, в частности, публикацией В.А. Викторовича «О “сакральном” музееведении. 1. По поводу статьи Г.Б. Пономаревой. 2. Рецензия на книгу Т.Г. Бирюковой» в сборнике «III Летние чтения в Даровом»¹.

1. О НЕсакральном и НЕмузееоведении

Итак, в сборнике «III Летние чтения в Даровом» отведен специальный раздел полемике с моей статьей «Москва, Даровое, Омск — триединство, увековечивающее духовное восхождение Достоевского и открытие им России (к концепции музеев Достоевского)», вышедшей по следам выступления с докладом под таким названием на конференции в Коломне в 2011 г. Полемика В.А. Викторовича по содержанию и по форме такова, что не могу оставить ее без ответа. Впрочем, и другие материалы в сборнике потребовали немедленного реагирования. Надо сказать, в этих материалах чувствуется, как резонирует моя позиция по поводу Дарового, высказанная на конференциях (международных в том числе) в Коломне, Зарайске, Даровом в 2003, 2006, 2009, 2011 годах.

«Публикуемая выше статья Г.Б. Пономаревой — обзор известных и неоднократно обсуждавшихся фактов биографии и творчества Достоевского. Новое и оригинальное здесь — предлагаемая автором общая концепция и интерпретация фактов, ведущая к созданию, как бы теперь сказали, особого музейного кластера, объединяющего в себе три музея Достоевского — Москвы, Дарового и Омска» (с. 47). Старт полемики сразу берется в агрессивно-ироническом тоне: дескать, у Г.Б. Пономаревой всего-то «обзор» известного. Но здесь же, противореча самому себе, В.А. Викторович признает «новую и оригинальную общую концепцию и интерпретацию фактов». Вот видите, профессор, «обзор» Вас бы, конечно, не задел, а новизна и оригинальность общей концепции и интерпретации фактов, как бы Вы к этому

¹ III Летние чтения в Даровом. — МГОСГИ, НП «Заповедное Даровое». — Коломна: Издательский дом «Лига», 2013. Далее цитаты из этого сборника приводятся с указанием страницы в тексте в скобках.

иронически ни относились, Вами отмечены, а такое признание от всякого оппонента дорогое стоит. Кстати, насчет «обзора» сразу стоит заметить: исследователи в своих трактовках и интерпретациях опираются на 85–90 процентов фактов всеохватно изученных, — и Вы в том числе. Остающиеся ~10 процентов фактов — редкость, а если объявляется неизвестный текст нашего писателя, то это вообще событие.

Однако «новая и оригинальная общая концепция» выдвигаемого мной «триединства» Вас не устраивает, в частности, потому, что другие города выпадают и не входят «в сей колхоз», по Вашему лексикуону, в данном случае неуместному для академической полемики и отдающему mauvais ton. А почему другие города должны входить в это единство? Нельзя же все их смешивать в одно (а Вы именно этим страдаете, профессор, смешивая одно с другим, и я не раз укажу Вам на это).

Нельзя смешивать, потому что каждому городу отведена своя роль в жизни нашего писателя. Да, я говорю о сакральном значении для Достоевского Москвы ввиду ее истории и особенностей. Но вот и известный американский ученый Джозеф Фрэнк, автор многотомной биографии Достоевского, выделяет Москву как православную святыню (Вы, профессор, конечно, читаете по-английски). Я так и вообще концептуально ввожу Москву вместе с Даровым и Омском в метафизический план, который таким образом открывается на пути духовного восхождения Достоевского. Вы ставите мне на вид (и даже вину) в моей концепции какое-то «старомосковское православие», возвращение «к староверческим (или местечковым) канонам», самоизоляцию — национальную, духовную, религиозную. Во-первых, что такое «старомосковское православие»? Может быть, есть еще «новопетербургское православие»? Каждый грамотный и не обязательно верующий человек скажет Вам, что есть вообще православие, — либо есть, либо его нет (у кого-то)! И что такое «староверческие каноны»? Вы что же, приписали меня к старообрядцам? Во-вторых, — о «местечковости»; это слово, определение просто неприложимо к Москве. Я думаю, что «местечковость» неприложима даже, например, к заштатному Витебску 1920-х годов, когда в нем жили и делали глобальные открытия в искусстве и в науке об искусстве Марк Шагал и Михаил Бахтин.

Коренная историческая реальность, заключавшая самоидентификацию нации и открывшаяся Достоевскому в Москве, не исключала «всечеловеческой» обращенности русского гения. Откуда Вы взяли у меня обратное? В деятельности Петра мы все видим ключевые проблемы в определении предназначения и путей России. И я не могла обойти того, что с ним Россия вышла на мировую арену, но этот выход принимал «антинародную форму», о чем Достоевский писал. Противостояние двух великих городов — Москвы и Петербурга — оно объективно, от него не стоит стыдливо (что Вы демонстрируете) отворачиваться, оно было, есть и, очевидно, будет (речь идет не о сепаратизме). В.Г. Белинский, А.И. Герцен, А.С. Хомяков разводили обе столицы ввиду их цивилизационных различий и тяготений, да и Достоевский связывал существенные повороты судьбы России с концом «петербургского периода истории». Отношение его к этим городам было сложно, изменчиво, эволюционировало. То Москва в ранние его годы казалась «стариной», которую можно «забыть» в Петербурге, то, целостно принявший в себя православие, тянувшийся к своим московским корням, он высказывается о Петербурге — в последней записной тетради (1880–1881 гг.): «Народ. Там всё. Ведь это море, которого мы не видим, запершись и оградясь от народа в чухонском болоте.

Люблю тебя, Петра творенье.

Виноват, не люблю его.

Окна, дыряя — и монумент» (27; 62).

У Петербурга тоже есть свое сакральное значение в судьбе нашего писателя — близко подходил к этому, раскрывая *genius loci* Петербурга, его воздействие на Достоевского выдающийся исследователь Н.П. Анциферов. Едва ли еще кому-либо удастся так проницательно увидеть и понять Петербург через Достоевского и Достоевского через Петербург. Но у меня другая тема, и Петербург не входит (ввиду вышеизложенного) в названное «триединство». В этом «триединстве» Москва видится мне историо-софски. И не смешивайте, не за слоняйте, не перечеркивайте, профессор, такое рассмотрение московскими реалиями, о них я писала по другому поводу (см. мой путеводитель по музею, разные статьи); ими особенно занимался Г.А. Федоров.

Что касается «кода Москвы», который я вижу в «Бесах», то здесь следует еще раз сказать о метафизическом плане (исходите из непредвзятого чтения моего текста). В этот план с «кодом Москвы» введены Ставрогин и Хромоножка, но не «самоутверженный» (и при этом «книжный», не воплощенный в живой идее Бога) Шатов, как и Верховенский-старший. И в этом плане, именно с «кодом Москвы», наиболее выражено в романе противостояние бесовству.

А теперь перейдем, пока коротко, к московскому Музею Достоевского, к музенификации мест, входящих в «триединство».

Приведу полностью высказывание В.А. Викторовича о нашем Музее под моим началом: «Мне как давнему посетителю московского музея Достоевского горько и обидно видеть, что в последние годы он именно “уполз в раковину” родительского флигеля, отгородившись от Мариинского корпуса, от больничного сада (места детских игр Феди Достоевского), храма и памятника писателю великого скульптора. Увы, это мемориальное культурное пространство скончилось при Г.Б. Пономарёвой и благодаря проводимой ею музейной политике. Современный музей, как мы знаем, стремится выйти из замкнутого пространства, дать представление о живом космосе человеческого бытия (идея П. Флоренского)» (с. 221–222). Замечу сразу по поводу «проводимой музейной политики». Наш Музей — отдел Государственного литературного музея, так что о «политике» — не ко мне. Ваша, профессор, неосведомленность и предвзятость, доходящая до клеветнических измышлений, изумляет: их никак не ждешь от ученого! Увы! Вы, действительно, почти не бываете в нашем Музее — предвзятость Вашего неприсутствия очевидна, особенно в День охраны культурного наследия, в Международный день музеев, которые мы неоднократно посвящали Даровому.

Не принимая проект его реконструкции, представленный третья, а теперь уже четырьмя изданиями книги Т.Г. Бирюковой, Вы могли бы его свободно, публично оспаривать на этих собраниях в нашем Музее. Но, очевидно, вы избегаете дискуссий о Даровом, хотя оно находится явно в фокусе Ваших интересов, о чем мне предстоит еще сказать.

А теперь о Ваших выпадах в адрес московского Музея и меня. Вы, хотя и редко, на протяжении ряда лет все же бывали у нас

(вспомните, что мы принимали участников международных конференций, проводимых в Коломне, Зарайске). Раньше Вы могли попадать в Музей в обход здания в нарушение исторического маршрута, а в 2011 году он был уже восстановлен, восстановлен дорогой ценой — не только трудных моих пятилетних переговоров и обращений в разные инстанции; восстановление же было обусловлено невысокой изгородью, отделяющей нас от остальной территории больничного двора — такова наша зависимость от соседа — Института фтизиопульмонологии (Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова), юридического и фактического распорядителя всего больничного комплекса зданий; и у него как медицинского учреждения свои требования.

Вы горюете не по поводу прошлого — временного нарушения исторического бытования Музея (а надо быть музейщиком, чтобы понимать всю серьезность этого), пусть с упреками в мой адрес — предположим, по незнанию. Вам не дает покоя нынешняя загородка (и нам не дает), происхождение которой я только что разъяснила. Вы трактуете нашу ситуацию необъективно, недекватно, предвзято (Ваше высказывание я привела).

К Вашему сведению, с бывшей Мариинской больницей — НИИ фтизиопульмонологии — у нас тесная связь: мы не забываем, что тогдашний Институт социальных болезней им. Ф.М. Достоевского (в 1920-е годы) стал одним из соучредителей нашего Музея.

Нет ни одного организуемого Институтом симпозиума, конференции, включая международные, чтобы их участников сосед не направлял к нам, и нет ни одного культурного события, мероприятия, проводимого у нас, чтобы сосед не был зван — наши программы, афиши, приглашения всегда в сфере внимания врачей.

Происходит непрекращающееся наше взаимодействие. Мы сотрудничаем с Музеем истории медицины при ММА им. И.М. Сеченова. Выдающиеся врачи (проф. А.В. Недоступ, проф. М.И. Перельман и др.) из этой академической клинической системы нередко становились у нас докладчиками (в историческом контексте биографии М.А. Достоевского, например). По инициативе нашего Музея — подчеркиваю это — в 2006 г. отмечалось 200-летие Мариинской больницы для бедных, по истории кото-

рой, в частности, состоялись мои доклады (в результате разысканий в ГИМе, ГЛМ); они публиковались и в журнале «Врач» (орган при ММА им. И.М. Сеченова). И кстати, уже много лет назад, при моем заведовании, удалось добиться образования на больничном дворе «зоны памятников» в целях сохранения исторического вида всего больничного ансамбля и его территории. И, наконец, мы курируем школу-интернат Института, где учатся его пациенты, дети — легочные больные. Ежегодно мы проводим с ними Рождественские встречи, каждый раз с разными, новыми программами. Между прочим, среди этих детей — православные, мусульмане и, как водится, просто атеисты. Вот так, отнюдь не в «раковине» и не «в резервации» мы, «небожители» (по Вашему выражению), живем на Божедомке.

О самоизоляции ни в каком смысле говорить не приходится. Многогранная деятельность Музея развивается на пересечении культур, что вполне объяснимо, коль эта деятельность относима к русской культуре, тем более, к Достоевскому: тут и выставочный обмен с зарубежными музеями, что происходит централизованно, через Гослитмузей; тут и, по разработанным мной программам, поднятые на заседаниях и вечерах темы. Существуют цикловые темы, вроде «Достоевский и Шиллер» (наряду с русскими цикловыми «Достоевский и Пушкин», «Достоевский и Гоголь»), они особенно актуализируются в перекрестные годы, в год «Германия — Россия», например. А есть еще темы «Достоевский и Рильке», «Достоевский и Бальзак», «Достоевский и Данте», «Достоевский и Сервантес» и т.д. Тема «Достоевский и Шекспир» выходит на первый план соответственно в нынешний год «Великобритания — Россия», год Шекспира.

Московский музей открыт — открыт всему новому и новооткрывателям в гуманитарных науках, в искусстве в самом широком диапазоне. Вы получаете от нас приглашения на «Ноябрьские вечера», на другие циклы, — и сами можете судить, что Музей отзывается на все важнейшие даты, события, проблемы России, человечества, а перечень выступавших здесь ученых, маститых и молодых, самых разных позиций и убеждений — перечень этот таков, что не хватило бы места в Вашем сборнике.

Ваш вымысел относительно нашей самоизоляции только в одном смысле — чисто физическом — не вымысел. Московский

Музей — первый в мире, посвященный нашему писателю, признанный в его мировом значении, тем не менее ютится, условно и несколько преувеличенно говоря, на «аршине пространства». Проблема площадей — наша болезненная проблема, пока не решенная, но тем более ощутимая ввиду богатейшего и уникального московского музейного фонда Достоевского, равного которому нет нигде. Здесь заключен трагический парадокс: при огромном потенциале развитие Музея в определенном смысле перекрыто. Об истории вопроса я здесь не распределяюсь, но одно могу сказать: не все в моих полномочиях, в единоличной воле заведующего, но зависящее от меня я сделала, причем привлечение к проблемам Музея, в частности, научной общественности, мои коллеги-достоевсковеды могут засвидетельствовать. Неоднократные обращения к местным властям, педагогической общественности и т.д. также имели место. И хотя были попытки помочь, особенно со стороны муниципальных властей СВАО, муниципального образования «Марьина Роща», пока результатов нет. А между тем уже в 1980-е годы мной был представлен в Гослитмузей проект большого (с расчетом на весь флигель) монографического музея Достоевского в Москве. Пока на сменных выставках мы стараемся знакомить людей с нашими фондовыми богатствами. Развитие же экспозиции Музея с точки зрения теоретической и практической происходит и происходит; более того, на этом пути немало открытый и новаторства.

Экспозиции нашего Музея всегда были современны. Особено значимо в этом отношении было творчество Н.П. Анциферова, автора раздела по роману «Братья Карамазовы» в тогдашней (1950-е гг.) литературной экспозиции. Будучи свободным и независимым от идеологического официоза, Анциферов искал и находил существенные соответствия между экспозиционным воплощением и устремлениями автора «Карамазовых». Каждый экспозиционный ход Н. Анциферова можно считать конгениальным литературному источнику, если, конечно, можно такое сказать об экспозиции как вторичной по отношению к этому источнику. Впоследствии я вводила моделирование мира нашего писателя, вводила, например, идеальные прототипы, воплощенные в книгах, последовательный историзм, вовсе еще не ставший нормой экспозиции в 1960-е — 1970-е годы.

Экспозиция, предшествующая нынешней, удостоилась международных откликов, в частности, в бюллетенях ЮНЕСКО. Приводимые тогда новые принципы экспонирования нашли теоретическое отражение в моих статьях и докладах, некоторые из них были представлены за рубежом на ICOM'е в секции литературных музеев («Достоевский и город. Возможности экспозиционного решения» — один из двух от нашей страны докладов, 1980-е гг.).

Дальнейшее развитие этих принципов я вижу в перспективе при воссоздании Дарового. Об этом речь несколько впереди, но здесь уместно в виде примечания сказать о моем участии в судьбе Дарового (чего проф. Викторович по незнанию «не припомнит» и поэтому делает скоропалительные заключения). Такое участие вполне в традиции московского Музея Достоевского, в ее русле работали В.С. Нечаева, Г.Ф. Коган. Поездка в Зарайск и Даровое стала моей первой научной командировкой. По следам моего отчета тогдашний директор ГЛМ А.Д. Тимрот представил материал в Минкультуры СССР о катастрофическом состоянии Зарайского кремля. Все последующие годы, включая время заведования Музеем, я контактировала с сотрудниками Зарайского музея, консультировала их, в том числе В.Г. Шейнблат (вплоть до ее смерти) в работе по музеификации Дарового. Мои рекомендации всегда нацеливали на музейный путь (изучение архивов, живых следов старины у потомков, для Дарового особенно важные сохранившиеся свидетельства и предметы крестьянского быта и жизни). На этот путь встала В.Г. Шейнблат, а позднее Т.Г. Бирюкова, плоды работы которой известны. Поддерживала наложенную десятилетиями связь московского Музея с известным краеведом В.И. Полянчевым.

И теперь о Даровом в теоретическом ракурсе, принципах музеификации.

Модель «мира Достоевского» — это достигнутое органическое целое. Создать этот мир в условиях мелкопоместной и крестьянской России — наша цель при воссоздании Дарового. «Целое» — что это такое? Обратимся к теории, которая дает нам противоядие от доморощенных фантазий, вольностей, случайностей в устройстве музея.

Отдельные материалы организуются волей экспозиционера в некое целое с эмоционально-ценностным, идеологическим

наполнением, где обретается информационность уже высшего, сравнительно с эмпирическим, порядка. Напомню мысль Л.Н. Толстого: «Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету»².

Таким образом, принимая мысль Л. Толстого, можно оценить роль экспозиционера как конструктивную, созидательную, экспозиционер-творец структурирует эмпирию, хаос отдельных элементов (материалов), созидает модель мира писателя музейными средствами, — и это уже его credo, его взгляд на предмет и, между прочим, его бытие в современности, с которой поэтому и возможен диалог, о чем будем говорить. В музее будет воспринят мир писателя, пересозданный и в то же время узнаваемый. Отбор, концептуальная и координированная подача материалов стоят на пути к модели, экспозиционному образу. В представленной мемориальной квартире Достоевских в Москве мы и видим подобное преображение с введением мебели в целостно решенном интерьере приближенно-дворянского ампира, но функционально нарушенном из-за вынужденной приспособленности к суровым жизненным обстоятельствам в доме людей «небогатых и трудящихся» (Ф.М. Достоевский о своих родителях).

Хотя созерцание музейной ценности связано с ощущением «здесь», «сейчас», музейный предмет несет знаковую информацию об ушедших хронотопах. Музейное время, следовательно, — это пересечение, диалог времени ушедшего и времени тех людей, которые создают экспозицию, а также тех, которые сегодня общаются с ней в качестве современных зрителей. Вещи могут «прочитываться» зрителем. Это соединение того и другого времени есть их синхронное нахождение друг друга. Благодаря такому единству раскрывается духовная нетленная ценность экспонатов. И завершенность увековеченного лица, его «изваяние», не есть физически-пространственное, а эстетически-событийное пространство, ценностно-эстетическая завершенность. Поэтому в мемориальном музее, как в нашем, например, предметы не только и не столько представляют материальную, бытовую

² Толстой Л.Н. Полное собр. соч. в 90 т. — Т. 30. — М.: ГИХЛ, 1951. — С. 18–19.

культуру (мебель, например, которая имела отношение и к Даровому), сколько передают духовно значимый смысл жизни — в нашем случае — будущего великого писателя. Музей призван вызвать чувство личной причастности, погружения в атмосферу этой жизни. Если верить посетителям московского Музея, то, кажется, оно достигается (из отзывов: «Теперь я понял, как рождался Достоевский, каковы его начала и истоки»). Одна из главных задач мемориального музея — введение образными средствами в духовный мир писателя (у нас — подача «Книги Иова», экспонатов под знаком Пушкина). И подлинные вещи служат всё тем же средством, а не конечной целью показа.

Таким образом, диалог с современностью необходимо возникает в музее; сохраняя ценность явлений литературы прошлого, музей включает нас в продолжающееся открытие этих ценностей. Ведь тем и велики иные явления литературы, как Шекспир, Достоевский, что они преодолевают время, они на все времена, и музей представляет эти явления как неисчерпанную данность.

Если сказать здесь о более общем: музей восходит к изначальному свойству человечества удивляться миру. Музей, которому так нужен вечный диалог современности с прошлым, будит в человечестве то, что делает его, человечество, нестареющим, как бы ни казалось на первый взгляд это парадоксальным и не приложимым к музею.

Что же вызовет к жизни мемориальное Даровое? Оно как целое в бытийной нерасторжимости человеческого и природного на момент пребывания там Достоевских просматривается в его, Дарового, исторической реконструкции, предлагаемой Т.Г. Бирюковой. Все объекты — их автор усматривает более двадцати — в совокупной полноте, подлинные или реконструированные, по проекту, образуют тот самый, узнаваемый «мир Достоевского», и в нем автор не допускает никаких подмен или уводящего, отвлекающего от исторической данности произвола. Все в этом проекте освещено концептуально-ценностным видением, дающим присутствие современности автора; вообще он мыслит, можно сказать, в «большом времени», и это очень важно для музея. Профессионализм решений Т.Г. Бирюковой по реконструкции очевиден: сказывается ее двухлетний опыт заведования «Домом Достоевского» в Даровом; энергия и энтузиазм в комплекс-

ном исследовании проблем Дарового, в поиске свидетельств у старожилов, других источников, предметов, принадлежность которых Достоевским может считаться достаточно убедительной; интуиция, столь нужная музейщику, и аналитичность привели ее при изучении фотографий и реально достижимой их атрибуции к интересным открытиям по воскрешению исторического вида флигеля Достоевских. Свою работу Т.Г. Бирюкова уже представила четырьмя изданиями, последнее вышло не только личными ее усилиями, но и при поддержке главы администрации г. Зарайска, что говорит о начавшемся креативном участии местных властей вувековечении и окультуривании Дарового. Все выпущенные Т.Г. Бирюковой издания проекта не тавтологичны, они предусматривают его развитие, новые повороты проблем, уточнения, дополнения, в том числе по атрибуции найденных материалов, кстати, последние не завершены и предполагаются впредь, это живой процесс, процесс пока теоретический, но действительно подготавливающий реальную музенификацию Дарового.

И закономерно, что проект Т.Г. Бирюковой нашел не только мою поддержку (рецензия моя приведена в книге: Бирюкова Т.Г. «Даровое — усадьба Достоевских. Возвращение. Историческая реконструкция». — М.: Пашков дом, 2013), но и на презентации его в 2010 г. в московском Музее Ф.М. Достоевского при участии известных достоевсковедов; музейной общественности — от Музея Л.Н. Толстого в Москве (см. рецензию зам. директора по научной части Л.В. Калюжиной в той же книге), Российской академии архитектуры и строительных наук (см. рецензию Ю.Б. Бирюкова в той же книге).

До сих пор главной проблемой так называемого «музея» в Даровом было отсутствие у кого бы то ни было адекватного представления о том, как выглядела усадьба в 1830-е гг. — в период пребывания там Ф.М. Достоевского.

Это объясняется тем, что после смерти его родителей (1837 и 1839 гг.) усадьба оставалась без хозяев. В 1852 году она перешла во владение сестры писателя В.М. Достоевской, в замужестве Ивановой, в 1885 году значительно изменившей её первоначальный вид в результате ремонта и пристроек. Далее, после разрушения её в советский период, осталось только строение, которое теперь называется «музеем» — в значительной мере благодаря

сохранившемуся без изменений природному ландшафту. Оставленное на усадьбе строение до последнего времени идентифицировано не было.

Круг наиболее значимых источников для исследования составили: «Воспоминания» А.М. Достоевского, переписка членов семьи, воспоминания, свидетельства, рисунки старожилов, архивы музея «Зарайский кремль», Государственного Литературного музея, фото из домашних архивов жителей д. Даровое, очерк И.П. Перлова, бывшего директора Зарайского музея, и т.п. Работа над ними стала основой для исследования сразу в нескольких направлениях:

1. разыскания об основных строениях усадьбы и её служебных постройках;
2. определение местоположения этих объектов;
3. восстановление внешнего облика основных строений усадьбы и их идентификация (мазанка, флигель, людская изба, скотный двор);
4. разыскание предметов мебели и быта, их идентификация;
5. реконструкция планировки основного жилого помещения — флигеля, построенного после пожара 1832 года.

В период работы в «Доме Достоевского» в 2000–2002 гг. автору удалось обнаружить чудом сохранившиеся в домах местных жителей д. Даровое предметы мебели. В частности, в доме Н.Т. Ростовцевой, бабушка которой была крестницей племянницы писателя М.А. Ивановой, были найдены сундук, буфет, столик, а в доме крестьянки П. Макаровой — стул, подробно описанный в «Воспоминаниях» А.М. Достоевского. Эти вещи могли быть вывезены когда-то из московской квартиры писателя. Прошедшие экспертизу (дополнительная экспертиза предполагается), атрибутированные, — некоторые из них упоминаются в письменных источниках, — эти предметы являются потенциальными объектами экспозиции будущего мемориального музея.

Интересно предложение Т.Г. Бирюковой создать «музей на колесах», дополняющий основной мемориальный комплекс в Даровом и прилегающих территориях. Посетитель включится в некое движение, устремится в ожидаемый «мир Достоевского» и силой воображения переживет, как когда-то (в 1877 г.) писатель возвращался в свое деревенское детство, но с тем, чтобы с

новыми впечатлениями и вдохновением приступить к «Братьям Карамазовым».

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что поставленные автором задачи по реконструкции исторического облика усадьбы Достоевских были успешно решены, и что воссоздание заповедного комплекса в Даровом в исследовании Т.Г. Бирюковой теоретически состоялось. О значении проделанной работы говорят следующие выводы:

1. Впервые создана научная база для реконструкции усадьбы Достоевских в д. Даровое 1832–1839 гг.
2. Основной объект музея-усадьбы в Даровом — флигель — с использованием современных компьютерных технологий идентифицирован.
3. Реконструирована планировка флигеля.
4. Названы и обозначены теперь 27 объектов мемориального комплекса.
5. Сделана детальная реконструкция изменений планировки и застройки усадьбы на всех этапах её существования.
6. Найдены, идентифицированы и атрибутированы подлинные предметы мебели, необходимые для исторического интерьера.
7. Необходимая для создания любого музея пропедевтическая часть обеспечена.
8. Путь музейщика автором пройден профессионально, потому предлагаемый проект столь убедителен.

Почему никак не приближают нас к музенификации Дарового В.А. Викторович и А.С. Бессонова? Если коротко, то этому препятствуют:

- 1) изначальное непонимание природы музея;
- 2) волонтеристский подход к его проблемам;
- 3) концептуально размытая картина Дарового, что исключает возможность ее реального воссоздания;
- 4) отсутствие концептуально оправданных приоритетов, отсюда немотивированность проведенных и планируемых разыскательских работ, случайная, хаотическая нацеленность их на периферию в ущерб главному;
- 5) теоретическая неточность, искажение фактов, необходимых для концептуального выяснения значимости объектов, их атрибуции с точки зрения биографии писателя.

А.С. Бессонова, автор статьи «К вопросу о концепции музея-заповедника “Даровое”, выдвигает следующие положения: «Вряд ли имеет смысл восстанавливать полностью утраченные постройки, включая “мазанку”, в порыве энтузиазма произведённую иными исследователями в сакральные объекты. За долгие годы “небытия” большинства строений пространство усадьбы и окрестностей сложилось так, что любое современное архитектурное вмешательство нанесёт ему серьёзный урон. “Новодел” с претензией на историческую достоверность в данном случае вступит в непримиримый конфликт с эстетической выразительностью места. В условиях интенсивной уплотняющей застройки Дарового возведение на $\frac{1}{2}$ га всех хозяйственных построек приведёт к архитектурной перегруженности усадебного пространства и уничтожит природную ауру места, закроет выразительные точки обзора. Представить посетителям Дарового архитектурный облик усадьбы в полном объёме, причём не только на мемориальный период Достоевских (1831–1839), но в движении времени (предшественники — Хотяинцевы, наследники Ивановых) возможно, прибегнув к современным технологиям музеиной экспозиции, в частности, мультимедийной реконструкции. Утраченные хозяйствственные постройки интересны в общекультурном плане; для понимания феномена Дарового в жизни и творчестве Достоевского ключевыми являются лес, храм и поле» (с. 166). «Пространство Дарового призвано (и пока еще способно) в полной мере открыть для России неизвестного, до конца не познанного Достоевского, преодолеть сложившиеся относительно его биографии и творчества стереотипы. Главная же задача музенификации Дарового — сохранить это пространство в его целостности» (с. 152).

Этот геллертерский поток демагогии, сентиментов, общих мест, банальностей топит действительные единственно исторические основания реконструкции Дарового. И все перечисленные выше общие принципиальные нарушения ее реконструкции здесь налицо. А.С. Бессонова с легкостью поистине хлестаковской покушается на историческое пространство усадьбы, боясь «архитектурной перегруженности» (никак не подходящее здесь и не адекватное задачам реконструкции понятие). Но куда деваться нам от того, что **было**, усадьба **была** такой — тесной, можно

сказать, на пятаке ютились несколько построек. И почему мы должны предпочесть «выразительные точки обзора» правдивой ее картине?

И почему мы должны верить абсолютно вольным оценкам А.С. Бессоновой, что воссозданная полностью усадьба интересна только «в общекультурном плане» и ничего не даёт «для понимания феномена Дарового в жизни и творчестве Достоевского»? И какой безбрежный произвол наблюдаем в рассуждениях о том, что Даровое можно подменить «мультимедийной реконструкцией», причём буквально через несколько страниц автор будет ратовать за натурное воссоздание в стороне, в Моногарове дома богатых соседей, Хотяинцевых. Зачем нам этот дом? И почему не заслуживает того же усадьба (с Лоском), сердцевина заповедника — вувековечении Достоевского? Слов нет, «новоделов» никто не любит, не только Бессонова. Ведь не по любви же к «новоделам», а в силу утраченного воссоздавали когда-то Пушкинский заповедник в Михайловском. И что делать, если в Даровом почти все утрачено, кроме природного ландшафта и флигеля? А мы хотим пережить, приехав в Даровое, «мир Достоевского». Виртуально его не переживешь, лишь отдавая дань моде и якобы новому: запомним — первозданным музея является экспонат, и никакие мультимедийные средства его не заменят. Они имеют только прикладное назначение и функцию, и не следует их фетишизировать (а вот если возникнет когда-нибудь музей истории мультимедийных средств, тогда они и могут стать экспонатами).

А теперь представим, что будет, если, по Бессоновой, «ключевое»: лес, храм и поле. Опояшем 4–5 лип и берёз красной ленточкой или повесим таблички: «Эти деревья — современники великого русского писателя Ф.М. Достоевского», предложим на расстоянии 1,5 км посмотреть храм Сожествия Святого Духа и поле — тут, конечно, расскажем о мужике Марее.

И если даже дополнить не «ключевыми», по Бессоновой, но ею все же подразумеваемыми въездной аллеей, усадебным домом, липовым курганом, Фединой рощей, фруктовым садом, Маменькиным прудом, Нечаевским погостом и панорамой Лоска, то все равно полноты и единства для достижения целого (связующего «цемента» в толстовском смысле) не будет. Наш «концептуалист» вольно манипулирует объектами, может привлечь да-

лекую периферию (например, моногаровскую церковную школу поздней постройки), размашисто раздвигать границы комплекса к Хотяинцевым — назад в историю, и к Ивановым — вперед, а вот сама усадьба времени Достоевских лишена приоритетности, хотя голословно она как бы заявлена. Да и никакой концепции нет. А все эти не связанные мыслью объекты — просто рассыпаются, усекновенная или в мультимедийном исполнении усадьба неспособна держать, организовать целое; «ключевые» лес, храм (в Моногарове) и поле не преодолеют, не заполнят нынешнего запустения Дарового, с чем сталкиваются разочарованные гости его и о чём мы в нашем Музее от них слышим. И не поедут толпы, как в Ясную Поляну, посмотреть скучную, бессмысленную, придуманную Бессоновой картину. И не спасет от такого запустения Даровое ни чаепитие в саду, ни вялая (не по демократическим ценам) торговля коломенской пастилой. И это будет большая беда, если ставка на маркетинг или на развлекательность заменит большую, в масштабах не только страны, культурную задачу.

Общая концептуальная неясность создания заповедника связывается, в частности, в отношении храма Сожествия Святого Духа в Моногарове: «Необходимо музенифицировать комплекс: храм — церковная школа — дом священника с прилегающим ландшафтом, прежде всего с поймой Уйны» (с. 170). Ссылкой на свидетельство А.Г. Достоевской В.А. Викторович допускает явную ошибку, атрибутируя моногаровский храм и его значение в биографии писателя; однако, читайте внимательнее, профессор: речь идет о «воспоминании от двухлетнего возраста» Федора, когда Даровое еще не вошло в жизнь Достоевских. И хотя, по рассказу А.Г., говорится о причащении в «деревенской церкви», ею могла быть только московская церковь: либо больничная — св. Петра и Павла, либо церковь Сожествия Святого Духа (или Лазарева Воскресения по названию до 1840 г.) на Лазаревском кладбище в Москве. Но, очевидно, имеется в виду именно больничная церковь на московской окраине (почти деревенской, пустынной), а ее прихожанами и были Достоевские. Атрибуция же моногаровского храма через художественный текст («Подросток» у Викторовича, Бессоновой) также не может быть признана. Остальные элементы выдвигаемого Бессоновой на музенификацию комплекса — церковная школа и дом священника — како-

го-либо отношения к Достоевскому не имеют, они вообще более поздней постройки.

Что касается раздвижения — с охватом природного — мира Дарового в жизни отрока Достоевского, то кто этого не знает и не признаёт? Просто нужно понимать и видеть этот до сих пор живой мир в сохранившемся ландшафте и не навязывать какой-то другой, небывалый, сквозь призму литературщины в самом дурном смысле этого слова. У нас нет никакого мемуарного следа, в том числе от самого Федора Михайловича, чтобы пространство Дарового запечатлелось необозримыми простором и далями «времен Авраама».

Но, как правило, линия горизонта пересечена лесочком, рощицей, что обычно в среднерусской полосе. Г.А. Федоров верно писал о «скромности внешних красот» Дарового. Нельзя же все смешивать; пейзаж из эпилога «Преступления и наказания», как художественный и возникший из контаминации реалий омских («с высокого», с «дальнего другого берега реки...») и казахских (необозримая степь, кочевые юрты), никак не привязан к Даровому. Его природа — природа «маленького и незамечательного» среднерусского места, она Достоевскому была «мила и дорога», вся характерность этой природы «в ее бесхарактерности» (21; 70). Замечу, что и в очерке «Мужик Марей» отсутствует эпизодизация пространства, провиденциальная встреча происходит не за домашне-усадебно-деревенскими пределами (со всеми упомянутыми конкретными реалиями: гумно, рига, овраг, пахотное поле). Лишь хронос устремляет происходящее на божественную вертикаль («...и только Бог, может, видел сверху...» — 22; 49), притом очеловеченную, близкую и сердечную.

Теперь о пространстве увековеченного места в Москве. Выход внутреннего пространства московского Музея, его раздвижение, как я уже сказала, есть: во-первых, читайте мою статью о «триединстве», во-вторых, — выше Вы уже узнали и могли ранее при желании видеть наглядно «зону памятников» в экстерьере музея; и, наконец, в-третьих, — я всегда предпочитала идти историческим путем: известно, что под асфальтом большинчного двора было (есть?) белокаменное покрытие, но обнажить его требует весьма дорогостоящих работ, пока недоступных. Кроме того, предпринять такую реконструкцию зависит не только от

нас — музея Достоевского (Гослитмузея), Минкультуры, но и от Минздрава и др. А ведь это мог бы быть уголок белокаменной Москвы, где возрастал Достоевский!

Вы, профессор, не устаете давать мне рекомендации и даже поучать — неблагодарное это дело, скажу я Вам. Вот, продолжая развенчивать мое заведование, ставите мне в образец петербургский Музей Достоевского, дабы я вывела бы московский из пространственной и всякой другой замкнутости, так сказать, следовала современному пониманию и назначению музея. Страшно далеки Вы от музея (вообще), если убеждены, что музеи персоналий можно уподоблять — это возможно разве только в музеях типологических, краеведческих, например, и то с большими ограничениями и условностями. Рекомендованная Вами театрализация примузейного пространства — вещь более чем спорная, если не опасная как посягающая на саму природу музея: музею — музей, театру — театр (веду речь не об иерархических различиях). Несколько лет назад при реэкспозиции московского Музея А.П. Чехова на Садово-Кудринской улице был такой проект: во дворике чеховского дома-«комода» поставить манекены, чтобы люди уже на подходе включались в некое действие — встретились бы с дамой с собачкой. Музей не любит лицедейства, он хранит память о подлинном. Тогда мы чеховский Музей отстояли, но нынешняя тенденция депрофессионализовать специалистов — особенно под влиянием рынка, со стремлением привлечь публику оглушительными внешними эффектами — тенденция эта нагнетается. Так что избави нас Бог от таких (Ваших) рекомендаций. Таким образом, Вы можете понять, что никакое «клонирование» (по Вашему выражению) московского Музея в Даровом и Омске я не могла никак предположить: увековечение этих святых и неповторимых мест Достоевского осуществимо по-особому, индивидуально, «штучно», так сказать. И какой музей захочет стать «клоном» другого? Неужели Вы до такой степени не знаете и не понимаете профессию музейщика?

И еще добавлю по поводу Вашего предвзятого слова о «клонировании» московского Музея в Даровом и в Омске. В Омске оно, разумеется, просто абсурдно (пути самостоятельного развития омского Музея конкретно разрабатывались там на проведенных мной мастер-классах).

Что касается Дарового, то и оно, понятно, не стало буквальным отражением жизни на Божедомке. Фактор природный (но не так, как Вы его понимаете), а также «узнание русской души, признание духа народного», пришедшие к Федору с новой силой и в продолжение московских открытий, — все это и новое, и узнавание себя с Москвы. В Даровом мы ждем возрожденным «мир Достоевского» в донесенных зримых и вещественных знаках и свидетельствах.

К перенесению интерьера божедомской квартиры в деревенский дом Достоевских, что предусматривается проектом Т.Г. Бирюковой, я отношусь сдержанно, но не вижу особых тому противопоказаний. Автор ссылается на мемуарные источники XIX века, свидетельствующие о таком явлении как типовом, и это оправдывает ее гипотезу. Контрагументы А.С. Бессоновой, сопоставляющей московскую казенность с деревенским домом, абсолютно нелогичны. Никто, кроме Бессоновой, не думает делать подобные сопоставления. Казенность больничной квартиры Достоевских относится к стенам, пространству, но не к обстановке, интерьеру, которыми привносится приватный элемент, они говорят — очень много — о привычках, жизненных обстоятельствах этой семьи, об их ауре. И перекличек с московской квартирой Достоевских бояться не стоит, они не приведут к тотальному копированию — слишком не похож даровской срубный, почти как крестьянская изба, приземистый домик из трех комнат на божедомскую квартиру; и не повторить ее гостиную, столь говорящую о стремлении хозяев к достоинству и благообразию в их понимании: модная кобальтовая окраска, благородный приближенный к дворянскому ампирный интерьер и та же ампирная мебель, что переехала в Даровое. Но все так же скромно, бедно, с нарушением социальных, сословных, бытовых канонов и правил. Даровский дом может, конечно, вызвать и ощущение катастрофичности, перемен в семье Достоевских в 1837–1839 гг. Статья Б.Н. Тихомирова «Даровое и Черемошня в неосуществленных художественных замыслах Достоевского» (с. 15–30) наводит на материалы, которые могут в будущем повлиять на решение экспозиции в Даровом.

2. 90-летие музея, которого никогда не было

На титульном листе выпущенного В.А. Викторовичем сборника читаем: «К 90-летию музея Достоевского в Даровом».

Правда, в материалах других авторов сборника это заявление теряет безапелляционность и подразумевает полное разномыслие: то музей все-таки был, но «растаял», то его не было, то объявляется будущий музей и т.д. Тем самым читатель сборника погружается в вязкое болото туманностей, неопределенности, и выбраться к исторической реальности оказывается просто невозможно. Профессор насаждает в наше сознание Даровое как фантом — уже начиная с утверждения о возникновении там музея с 1920-х годов. А между тем стоявшие у истоков науки о Даровом И.П. Перлов, В.С. Нечаева ничего такого не заявляли и имели абсолютно ясный взгляд: Даровое не было и не стало тогда музеем.

Так все-таки был ли музей («был ли мальчик»)?

Известные по различным документальным источникам распоряжения центральных и местных властей, инициативы деятелей культуры (И.П. Перлова, например)³ направлены были к тому, чтобы сохранить усадьбу Достоевских, подвести ее под начало Зарайского музея (с 1923 г.), потом Губмузея МОНО и т.д., и т.д. А если вести отсчет истории т.н. «музея» в Даровом с 1923 г., как В.А. Викторович, то в самом деле выходит — 90 лет... Но все официальные распоряжения так и остались тогда на бумаге, в том числе и назначение внучатой племянницы писателя М.А. Ивановой, хранительницы дома и меморий, заведующей. Профессор Викторович — человек деловой, он председатель НП (некоммерческое партнерство. — Ред.) «Заповедное Даровое» и представляет, что такое «протокол о намерениях». Так вот: все документы 1920-х годов касательно Дарового были de facto именно протоколами о намерениях, декларациями... Помолвка, как известно, иной раз не приводит не только к рождению ребенка, но даже и к свадьбе. В данном случае ребенок даже не

³ На материалы «Переписки с Главмузеем и Каширским Уисполкомом об охране музея-усадьбы “Даровое”, принадлежавшей писателю Достоевскому» в упомянутом сборнике ссылаются, в частности, Г.С. Прохоров в статье «Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе» (с. 179–190).

был зачат. И нечему было «таять» — чего не было, того не было. Чем могла заведовать М.А. Иванова? Домом, в котором она продолжала жить и который не был, если можно так сказать, «переподчинен» великой личности, и ею, этой личностью, преображен усилиями музейщиков?

Нельзя возвести в ранг музея настоящее, текущее, эмпирическое, все-таки мы увековечиваем прошлое, а не незаконченное настоящее, когда неизвестно, заслуживает ли оно увековечения. «Нельзя быть великим в своем времени, величие всегда апеллирует к потомкам», «мертвых любят по-другому, они изъяты из сферы контакта, о них можно и должно говорить в ином стиле. Слово о мертвом стилистически глубоко отлично от слова о живом»⁴. Музей должен вернуть ушедшой великой личности полное жизненное соучастие, взглянуть на нее сквозь призму, — конечно же, эстетического преображения, ведь прошлое в нашей памяти эстетизировано. Так мы способны постичь «эмоциональный вес» (Бахтин) собственной жизни. Это память о ценностях совершенной и завершенной жизни великого явления, человека, которому мы можем вверить свою жизнь. Все это Даровое не заключало в себе в 1920-е годы, почему и не стало музеем.

3. Осколки, черепки, георадар, Шумим, братец, шумим

Я не знаю, как шумит действующий георадар, но какой шум в СМИ в связи с проведенными раскопками в Даровом он вызвал — всем нам известно. К шумовой сфере относились и эффективные демонстрации перед нами, участниками международных научных конференций, в предшествующие годы: разрытые котлованы на территории Дарового и добытые осколки, черепки от посуды, керамических плиток, лекарских пузырьков, детские носки и т.д., и т.п. И теперь, с появлением на страницах сборника В.А. Викторовича, их изображения производят не менее впечатляющее впечатление: эта наглядность деятельности просто гипнотизирует. На это, очевидно, они и рассчитаны. Но постепенно вас одолевает недоуменный и тосклиwyй вопрос: зачем? Зачем

⁴ Бахтин М.М. Эпос и роман // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 462, 464.

эти картинки в издании, посвященном Достоевскому, а не, скажем, в краеведческом, археологическом? Ведь найденные артефакты по времени относятся к Хотяинцевым, Ивановым, т.е. к предшественникам, к родственникам и потомкам, а не Достоевским: XVIII век, поздние годы XIX века, XX век, включая советское время. Такова атрибуция руководителя археологических исследований А.И. Сыроватко, объективная и строгая. И даже столь желаемое В.А. Викторовичу корректирующее предположение: то, что было «до», могло быть «при», не возымело никакой доказательной привязки к Достоевским. Судить, конечно, археологам, культурологам, имеют ли эти находки вообще какое-либо значение. А.И. Сыроватко, правда, исполнен профессионального энтузиазма и ждет даже открытых, важных для изучения... железного века! Такими он видит перспективы маленького Дарового для археологической науки! А вот для музеификации этого места, связанного с жизнью великого писателя, археологические изыскания — увы! — пока не открыли никаких перспектив.

Шум, поднятый вокруг раскопок, почти как когда-то вокруг раскопок Шлимана, несоразмерен результатам: «Трою» не нашли. Но тогда знали, что и где искать. А здесь в итоге гора даже мышь не родила.

Однако всмотримся поближе в смысл и значение изысканий, исходя из статьи А.И. Сыроватко⁵. Он пишет: «Задачи, поставленные перед археологами, в основном сводились к следующему:

1. Исследование утраченной части нынешней постройки, предположительно, кухни.
2. Поиск первоначального дома, в котором проживала семья Достоевских, т.н. «мазанки».
3. Исследование здания в соседнем с. Моногарове, бывшей церковной школы, и установление возраста этой постройки» (с. 105).

Прежде всего, отметим, что задачи были предложены извне, т.е., надо полагать, самим В.А. Викторовичем.

Итак, пункт 3 — начнем с него и тут же закроем его рассмотрение. Здесь мы сталкиваемся все с тем же: периферийные цели и вовсе не цели мемориализации преследуются как подменяю-

⁵ Сыроватко А.И. Археологические исследования усадьбы Достоевских в Даровом (с. 105).

щие главные, а установление возраста церковной школы в стороне от Достоевских, в селе Моногарово, — 1845 г. — только усиливает необъяснимость интересов проф. Викторовича. Интересы необъяснимы, ведомы только ему, а совпадают ли они с действительными культурными целями — остается под вопросом.

А теперь об остальных поставленных и не решенных задачах. А.И. Сыроватко всячески подчеркивает сложность поисков мазанки, указывает на «противоречивость» сведений о ней и неточность описания у мемуариста А.М. Достоевского. Вопреки этому скажем от себя: никакой противоречивости нет: описания и сведения от брата писателя однозначны, недвусмысленны и не могут быть истолкованы как-то иначе. Ссылка на приведенную фотографию (с. 107), где, по утверждению А.И. Сыроватко, виден угол хозяйственной постройки, достаточно опровергима, а подпись под фотографией абсолютно произвольна и никак не обоснована. Скорее всего, это и есть искомая мазанка. Теперь, на фотографии (после 1885 г.), снятой позднее произведенной В.М. Ивановой перестройки усадьбы, мы видим ее покрытой уже железной крышей, как и флигель, являющийся жилым строением. По фотографии идентичность строения его натурному, историческому аналогу, т.е. мазанке, очевидна и по расположению между курганами и относительно флигеля (не в противоречии со свидетельствами А.М. Достоевского). И, наконец, не узнанная при раскопках «мазанка», точнее, ее «останки», подтверждается указанием на нее Т.Г. Бирюковой. Обнаруженные контуры печного фундамента размером в 1,9 м х 1,6 м свидетельствуют именно об этом: такие печки строились только в жилых, а не в хозяйственных помещениях.

Итак, к сожалению, приходится повторить: разыскательские работы в Даровом ведутся вслепую и непродуктивно.

4. Перенимат не значит понимать

А.С. Бессонова в начале своей статьи заявляет о посильной для нее задаче: «Наша работа — это в первую очередь обобщение и систематизация итогов научно-исследовательской и практической деятельности по изучению и сохранению Дарового»

(с. 150). Но буквально следом амбиции возрастают: «В то же время это попытка концептуального осмысливания накопленного опыта...» (там же). И тогда начинаются ее блуждания как в джунглях: какая-либо генеральная, концептуальная линия через обильно цитируемые, часто взаимоисключающие высказывания остается просто невидимой. Вернее, она отсутствует. Правда, Бессонова выхватывает чужие мысли, у кого-то встраивавшиеся в единую концептуальную конструкцию, и вставляет в свой велеречивый текст. Но в нем, понятно, они, оторванные от источника, лишь одиноко мелькают как отдельные светлячки. Так, у Г.А. Федорова она заимствует мысль, что вольное уединение Федора на природе пробуждало или усиливало скрытую творческую энергию и жизнь; из моей статьи о «триединстве» изымает концепт «мемориальный комплекс “Россия Достоевского”», но выхолащивает его содержание, лишает его качества концепта и заменяет механической, всем известной номинацией: Россия столичная (Москва и Петербург), Россия каторжная (Омск), Россия провинциальная (Старая Русса), а Даровое, разумеется, Россия деревенская.

Из прежних работ Т.Г. Бирюковой, в частности, из ее опубликованного доклада⁶ А.С. Бессонова заимствует немало. Так, Бирюкова впервые констатировала сохранность природного ландшафта, в том числе курганов; они впервые были идентифицированы, а ведь они являются едва ли не основным ориентиром для определения мазанки. Задолго до Бессоновой Т.Г. Бирюкова заявила генеральное направление и концепцию развития Дарового. И много раньше Бессоновой был раскрыт заложенный потенциал Дарового как будущего культурного памятника.

И вообще, всячески оппонируя Т.Г. Бирюковой, Бессонова не прочь воспользоваться ее открытиями и находками: понимает, в частности, что без найденных Т.Г. Бирюковой предметов быта из Дарового в будущей экспозиции не обойтись. Что касается атрибуции их по времени, то В.А. Викторович ставит ее под сомнение, ссылаясь на проведенную экспертизу от ГИМа. Но так как

⁶ Бирюкова Т.Г. «Земля детства между прошлым и будущим» // Сб. «Педагогия» Ф.М. Достоевского. — Коломна: Коломенский гос. пединститут, 2003. — С. 199–209.

документированного обоснования визуальному обследованию он не приводит, то остается вопросом — было ли оно на самом деле, что давало бы окончательный ответ. Вообще же повторную и именно визуальную экспертизу, инициированную зарайским музеем или Т.Г. Бирюковой, можно всегда провести. Только таким путем мы придем к концептуально важным заключениям.

5. Приедем в Даровое — попадем в Золотой век?

Одна из «концептуальных» фантазий А.С. Бессоновой — стыковать Даровое с идеей «Золотого века», с тем, что нашим писателем на самом деле было осознано как утопия, «сон», «заблуждение» (пусть «высокое»), «мечта невероятная» человечества. Жизнь в реальном Даровом и одновременно продолжавшемся после Москвы и углублявшееся со встречей с мужиком Мареем «узнание русской души, признание духа народного» — это то, что обеспечит ему в будущем преодоление «розово-райских» мечтаний, путь к подлинному Христу (а не подновленному социалистами-утопистами). Воскрешение Дарового с мужиком Мареем, воскрешение в остроге памятью сердца, стало для Достоевского оправданием жизни в вере и со Христом, хотя бы эта жизнь протекала через «горнило сомнений».

Приехав в Даровое, мы захотим воочию пережить пронесенную Достоевским до конца жизни и эту реальность, и эту идеальность — во всей конкретности. А то, что вне ее — область завильтальная, небывальщина. Пусть эта небывальщина останется при «концептуалистах», подобных Бессоновой, подлинное же мемориальное Даровое им не будет даваться.

6. Корзина с апельсинами и дом с колоннами

Гlamур, расцветающий уже с наложенной на Даровое идеей «Золотого века», вообще пронизывает все построение Бессоновой. Приближенное воплощение мыслимого ею будущего музея — так называемый «пилотный проект» его, выставка «Дорогами детства», показанная в Коломне, в самом Даровом (как можно понять, куратор и консультант выставки — В.А. Викторович).

Уже на первый взгляд она производит зомбирующее впечатление, объясняемое по сути лукавой подачей текстов Достоевского. Мне знакомо такое впечатление. Сидишь на каком-нибудь плохом спектакле по Достоевскому, а встать и уйти не в силах. Сидишь, как парализованная, хотя очевидна беспомощность режиссера, актеров, не понявших идей, образов, вообще не справившихся с Достоевским. А почему не уходишь? А потому, что звучит изумительный текст, от которого не оторвешься. Они, эти знакомые тексты, и на выставке «Дорогами детства», понятно, волнуют, а под их прикрытием предлагаемое зрелище маскирует пустоту, «душевную праздность» (Г. Померанц, З. Миркина), что наблюдают на поверхности нашей жизни иные мыслители. Выставка обращена к зрителю слававо приукрашенной правдой детства писателя, точно в картинке на рождественской открытке со счастливыми румяными детскими лицами или в романе Чарской.

Был на выставке самый броский момент: взгляд сразу приковывала корзина с апельсинами, и все вокруг — предметы, пространство скромного флигеля — все меркло перед оранжевой яркостью и агрессивным торжеством экзотического фрукта. Откуда и зачем здесь апельсины? — напрашивался вопрос; впрочем, далеко не у всех зрителей он возникал, зритель, скорее, немел, «безмолвствовал» перед этой агрессией, в конце концов, зритель ... аплодировал. Известно, что так часто бывает в действительности, в истории... Эйфория... И все же: откуда и зачем апельсины? Нам говорили: «Вспомните роман “Подросток”, посещение мамой своего Подростка-сына в московском пансионе, ее гостище — апельсины» (замечу в скобках, что роман доносит совершенно особый образный смысл этой детали, за рамками же романа он утрачивается). Как правило, перед эйфорией концептуальность — вещь заведомо проигрышная, тем более, что профессиональные требования муейщика предполагают ряд ограничителей: отбор материалов в свете концепции; отобранные же материалы, принимая смысловую нагрузку, подчиненные целому замысла, выступают уже в статусе экспоната. Зачем ограничители? — предполагаем мы возражения авторов выставки «Дорогами детства», предпочитавшие вольное порхание над текстами источника и обессмысливающее выдергивание случайных для выставки деталей.

Но тогда зачем концепция, ведь авторы ставят себя в позу концептуалистов?

Но, конечно, помимо магнетизирующей корзины с апельсинами, на выставке много чего другого. Она буквально набита, можно сказать, театральным, сценическим реквизитом: куклами, среди которых узнаваемый как мужик Марей бородач, дорожными сундучками, разными предметами дворянского быта и т.д., и т.д. Тут и фотоколлажи — Москва, Зарайск, Даровое. Все это, очевидно, нацеливает на не отягощающую зрителя игру воображения, вообще на развлекающую игру под девизом: «И Достоевский был ребенком!» (цитирую А. Бессонову).

Этот «пилотный проект» волей авторов подготавливает, привучает нас к тому, в каком духе мы должны увидеть будущий заповедник в целом. Вот и для усадебного дома Бессонова выбрала облюбованный ею типологический вид — дом с колоннами. И такой вариант, действительно, указывается в источниках по дворянским усадьбам. Но другие источники включают и иные варианты поместных домов, домов хозяев небогатых, как крестьянская изба, и так видится деревенское обиталище Достоевских Т.Г. Бирюковой. Где же историческая правда — будем стремиться к ней?

Колонны, понятно, предполагают некую высоту, этажность и поэтому вместительность дома, что вовсе не фигурирует ни в каких свидетельствах о доме Достоевских. А.М. Достоевский вспоминает об уехавшем в Даровое после смерти жены отце, «закупоренном в две-три комнаты деревенского помещения»⁷. Аналитичность и интуиция наведут музейщика на искомую истину и историческую правду, в противном случае он не музейщик. А если он не музейщик, то мы останемся не с истиной, а с ее подменой. «Пилотный проект» Дарового уносит нас от исторической правды и истины далеко.

7. Мемориал, просветительский центр, они же обитель

В.А. Викторович на нас обрушивает: «Одна инициатива тянет за собою другую. НП “Заповедное Даровое” вместе с церковной общиной Храма Сопшествия Святого Духа теперь выходит с пред-

⁷ Достоевский Андрей. Воспоминания. — М.: Аграф, 1999. — С. 108.

ложением о создании мемориала родителей Достоевского <...> Придумалось и название — “Михайло-Мариинская обитель”. Она должна иметь и научно-музейное, и культурно-просветительское значение, стать центром сбора и распространения достоверной информации о родителях великого писателя» (с. 145).

Такое мечтательное нагромождение поистине беспрецедентно. В мировой практике, в истории никогда не было: увековечивать родителей гениев. Вы можете представить мемориал Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных, людей, безусловно, ярких, таких земных жизнелюбцев? Но чем особенно они запомнились человечеству, кроме того, что дали ему Александра Сергеевича? А с родителями Шекспира дело обстоит еще сложнее, потому что неизвестно, кого увековечивать, если личность самого гениального драматурга до сих пор остается неустановленной. Но проф. Викторович неутомим, он не только собирается увековечивать М.Ф. и М.А. Достоевских, но и создавать просветительский центр. В каком же смысле и кого просвещать? Написано огромное количество биографий, оставивших решенные и нерешенные вопросы по поводу родителей нашего писателя, и так ли бесконечна перспектива подобного просветительства, адекватно ли ему создание особого центра? И кого просвещать, если интересующиеся всегда получат необходимую информацию через книгу или интернет? Но проф. Викторович мало родительского мемориала и просветительского центра, он отождествляет их с обителью. «Михайло-Мариинская обитель» — звучит неправдоподобно, да и просто безграмотно, точно исходит от невежественного человека. Известно ли Вам, профессор, что обители, как и храмы, учреждаются в честь святых как осененные их праведностью, святостью? Нет нужды говорить, что даже в «идее стремления в лучшие люди» (Ф.М. Достоевский о родителях) Мария Федоровна и Михаил Андреевич Достоевские никак не перешагнули границу, за которой бы их ждало освящение обителью. А жизнь в Даровом Михаила Андреевича, сломленного смертью жены, в падениях и грехах, хотя бы и прощаемых такими же грешными, как он? Умерьте же Ваши амбиции, профессор, хотелось бы, чтобы грандиозность Ваших проектов достигалась хотя бы не ценой безграмотности и неведения, что творить.

**8. Штатное расписание с директором,
или: берем то, что плохо лежит**

Между тем г-жа Бессонова всё решила: она просто ставит нас перед фактом своих решений, точно мысленная приватизация и распорядительство Даровым состоялись; оказывается, будущий заповедник заживёт по предписанному Бессоновой штатному расписанию с директором во главе (словом, «вот моя деревня, вот мой дом родной»). Ведь что означает директорство? Оно предполагает автономию, независимость от нынешнего протектората музея «Зарайский кремль», зарайской администрации. Конечно, такие проекты могли возникнуть при нынешней реальной безхозности Дарового, вялой, по сути, отсутствующей инициативы Зарайского музея.

Как известно, когда власть валяется, ее подбирают. Так кто же ее подберет? Дилетанты, коммерсанты? Или дилетанты-коммерсанты? Это **они** возьмут на откуп землю детства великого писателя? Станет ли Даровое культурным памятником усилиями действительно профессионалов и волей просвещенных администраторов?

9. Волшебник из Коломны

Деятельность профессора Викторовича в Даровом — хотя и продолжается десятилетие, все же новая, непрофессиональная, параллельная для него, ученого-литературоведа и вузовского преподавателя. Он привлекает дендрологов для лечения деревьев в парке, хотя специалисты считают, что ожидаемый эффект кратковременен, он привлекает студентов к охранению Дарового, расчищается его территория, что во всех отношениях полезно и педагогично. Но может ли профессор Викторович дать молодежи действительные знания и понимание культурологической, музейной деятельности, за которую взялся? Мне кажется, всем вышеизложенным я уже ответила на этот вопрос. «Полунаука», о которой писал Достоевский, профанирует науку, создает только ее видимость, и потому, может быть, вреднее отсутствия самой науки. Что же остается в наши дни «полунауке», чтобы придать себе цену? Конечно, придаст ей цену «пиар», СМИ ведь не

всегда будут входить в разные тонкости, отделять зерна от плевел. Что шумно, громко, то и принимается подчас на веру. Это своего рода современная мистификация, колдовство, а совершающий его, соответственно, — употребим здесь смягчающее, симпатичное слово, — волшебник. «Я не волшебник, я только учусь», — это не о профессоре Викторовиче, он уверен, скорее, самоуверен. Слишком долго он уже руководит неэффективными археологическими раскопками, безрезультатной реставрацией моногаровского храма, громит и фальсифицирует существующие непропиаренные проекты и исследования о Даровом. Волшебника из Коломны, очевидно, узнает вся страна.

Владимир Викторович,
Альбина Бессонова*

О ПОДЛИННОМ

Вначале два слова о громогласных разоблачениях. Г.Б. Пономарева возвестила миру, что наши, как фальсификаторами-мистификаторами, движет погоня за наживой и дешевой славой. Не находим нужным отвечать на эти и другие, по слову Пушкина, «личности и неприличности». Постараемся следовать премудрой турецкой пословице, завершившей январский выпуск «Дневника писателя» 1876 г. (22; 38), и отвечать только по существу. В наших публикациях, прочитанных, как видим, поверхностью и предвзято, мы уже изложили свою точку зрения¹. Статья Г.Б. Пономаревой с претензией на манифест дает повод осмыслить корни того противодействия, которое мы ощущаем все десять лет работы в Даровом, исследовательской и волонтерской.

Нашим противникам трудно понять, почему мы настаиваем на ключевой значимости для Дарового действительно подлинных объектов: лес, поле, храм. Так и Г.Б. Пономарева, если

* **Об авторе:** Бессонова Альбина Станиславовна, кандидат филологических наук, директор НП «Заповедное Даровое», автор работ по творчеству И.И. Лажечникова, В.В. Набокова, Ф.М. Достоевского, о проблемах музеификации усадьбы Достоевских Даровое. Автор концепции выставок «Достоевский. Дорога детства» (Коломна, Даровое), «Я происходил из семейства русского и благочестивого» (Зарайск). Руководитель волонтерского лагеря в Даровом.

¹ См.: **Бессонова А.С.** К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое» // III Летние чтения в Даровом. — Коломна, 2013. — С. 149–176; **Викторович В.А.** О «сакральном» музееведении // Там же. — С. 217–230.

вывести за скобки гремучие слова известной эпохи вроде «геллерство», «демагогия», «волюнтаризм» и проч., узрела в нашей настойчивости «нацеленность на периферию в ущерб главному». Главное же видится ей и Т.Г. Бирюковой в том, что «основной объект музея-усадьбы в Даровом — флигель» (ранее автор статьи выражалась сильнее: «главные места обитания Достоевских — мазанка и флигель»²). Сохранившийся ландшафт, судя по статье Г.Б. Пономаревой, для «профессионального музейщика» — всего лишь абстракция, фон, декорация³, и территория детства великого писателя, таким образом, съеживается до «картина пространства», на котором и следует развернуть музейную деятельность, т.е. заполнить комнаты флигеля мемориальными предметами⁴. Не отрицая важность формирования предметно-бытового ряда, мы все же полагаем, что именно это измерение как раз и было периферией для даровского детства Ф.М. Достоевского.

Ратующим за подлинность и достоверность «профессиональным музейщикам» хотим в этом случае еще раз напомнить слова А.М. Достоевского, младшего брата писателя: «Липовая роща, сад и Брыково были самыми близкайшими местами к нашему домику, а потому и составляли место нашего постоянного пребывания и гуляния. <...> Мы, как дети природы, жили все время на воздухе и в воде. <...> В деревне <...> мы постоянно были

² **Пономарева Г.Б.** Москва, Даровое, Омск — триединство, увековечивающее духовное восхождение Достоевского и открытие им России (к концепции музеев Достоевского) // Там же. — С. 97.

³ В многостраничном опусе Г.Б. Пономаревой нет ни одного конкретного предложения по музеификации природно-культурного ландшафта Дарового.

⁴ Поскольку ни одного из них в Даровом не присутствует, не следует ли понимать сие пожелание так, что московский Музей Достоевского выделит толику из своих богатых фондов (часть которых прибыла в Москву как раз из Дарового)? Есть, правда, в Зарайском музее мебель, которую Т.Г. Бирюкова уверенно атрибутировала Достоевским со ссылкой на анонимных экспертов. Мы, в свою очередь, привели опровергающее заключение главного хранителя Отдела дерева и мебели Государственного исторического музея Н.В. Углевой от 01.06.06: «Все представленные на экспертизу предметы мебели относятся ко второй половине XIX — началу XX веков». Г.Б. Пономаревой угодно было не заметить это заключение и азартно обвинить нас еще и в подлоге.

на воздухе и кроме игр проводили целые дни на полях, присутствуя и приглядываясь к трудным полевым работам»⁵. Для самого Достоевского Даровое — это прежде всего «лес с его грибами и дикими ягодами» и «сырым запахом перетлевших листьев», в свой же последний приезд в усадьбу в 1877 г. Федор Михайлович посетил любимые места в Липовой роще, именно их он хотел показать своим детям.

Проблема музеификации Дарового имеет и некий общий аспект. Когда Гете предлагал всем, кто хочет понять поэта, отправиться в его страну (*Land*), он имел в виду не дом или квартиру. Представьте на минуту, что вы ограничились посещением замечательного музея-квартиры в Кузнечном и не познакомились с Петербургом Достоевского. Согласитесь, что этим вы лишили себя важнейшего источника. Зря Г.Б. Пономарева ссылается на Н.П. Анциферова: он, раздвинувший стены музея до границ города, в этом деле ей не товарищ.

Г.Б. Пономарева горой стоит за «подлинные вещи», но что является таковыми в Даровом? В понимании наших оппонентов — это строения, существующие ныне (флигель) и утраченные («манзанка» и хозяйственный двор), которые и следует восстанавливать в первую очередь. Однако, во-первых, мы никогда не узнаем, как они выглядели при Достоевских, и потому будем строить по типологии. Жаль туристов, ездящих из одной типологической усадьбы в другую: неизбежная повторяемость способна вызвать скуку. Типологией мы по существу обманываем доверчивых посетителей, под видом подлинного предлагая некий усадебный шаблон⁶. И во-вторых: что даст прилизительная реконструкция хоздвора Марии Федоровны Достоевской для понимания мира детства ее великого сына? Ведь самое главное впечатление, вынесенное из даровского детства — от живой жизни природы,

⁵ Достоевский А.М. Воспоминания. — СПб., 1992. — С. 59, 60, 62.

⁶ «Воссозданный, а не подлинный, памятник не может считаться объектом предшествующего времени; он является всего лишь *копией*, а следовательно, и статус у него должен быть соответствующим. <...> Подмена объектов наследия, эрозия этого фундаментального понятия в итоге ведут к утрате традиционных ценностей в обществе, что чревато потерей связи с исторической памятью и, главное, потребности в ее сохранении» // Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. — М., 2013. — С. 322.

вот этой рощи, этого поля, этого оврага, этого пруда. Музей даровского детства Достоевского, не устаем мы повторять, — это природно-ландшафтный музей. У нас пока еще есть уникальная возможность — увидеть землю детства такой, какой он ее видел, а позднее из увиденного вывел формулу: «Человечество обновится в Саду и Садом выправится» (главка «Дневника писателя» 1876 г. с красноречивым названием «Земля и дети» — 23; 96). Мы убеждены, что в процессе реконструкции Дарового возведение типологических хозяйственных построек необходимо свести к минимуму. Г.Б. Пономарева считает иначе: «Лес, храм и поле не преодолеют нынешнего запустения Дарового, с чем сталкиваются разочарованные гости его и о чем мы в нашем музее от них слышим». Запустение, видимо, надо понимать как отсутствие построек, и здесь «музейщик-профессионал» Пономарева солидарна с теми мало просвещенными посетителями Дарового, для которых усадьба — это синоним только дома, не более того⁷.

Разные бывают гости Дарового. Да, случаются такие, которые, подойдя к памятнику и сфотографировавшись на фоне флигеля, резюмируют: «Здесь смотреть нечего», — и через десять минут, хлопнув дверцей авто, уезжают. Однако нередки те, которые готовы посвятить Даровому целый день. Их приводят в восхищение подлинные «лес, храм и поле». Проблема в том, какими глазами смотреть. «Но ведь в том-то и весь вопрос: *на чей глаз и кто в силах?*» (23; 144). Одна из задач музея-заповедника в Даровом, как нам представляется, — это как раз школа взглядывания (и вслушивания!) в мир живой природы, *открытия* для себя Достоевского и постижения той величайшей мудрости, что выражена им в упомянутой главе «Земля и дети». В этом смысле термин ландшафтных архитекторов «обзорные (или видовые) точки», об который точит свое остроумие Г.Б. Пономарева, становится понятен, когда вы видите Лоск из въездной аллеи, или панораму сада с прудом в перспективе, или роскошные, посреди луга, купола многоствольных старых яблонь, или таинственный овраг в Фединой роще — сколько удивительных откровений готовит вам это «незамечательное место», поразившее писателя на

⁷ «Усадьба <...> — господский дом на селе, со всеми ухожами, садом, огородом и пр.». — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1998. — С. 1065.

всю жизнь! Увы, скользят мимо всего этого «равнодушные очи», а ограниченное мышление спешит уличить в «литературщине»: где, мол, в «Преступлении и наказании» с его одолением душного «каршина» влияние Дарового — там в конце только сибирские дали да казахские степи! Но ведь чтобы художественно-убедительно воплотить этот «миф русского пейзажа»⁸, надо носить его в себе. Давно и не нами замечено, что рельеф местности, увиденный в детстве, образует душу⁹.

Скудная фантазия уверена в своем превосходстве: «А теперь представим, что будет, если, по Бессоновой, выделить “ключевое”: лес, храм и поле. Опоящем 4–5 лип и берез красной ленточкой или повесим таблички: “Эти деревья — современники великого русского писателя”». «Экспонатное» мышление ушедшей эпохи невольно сказалось в сакримальной «красной ленточке», но нас более всего оскорбляет высокомерная насмешка по поводу «4–5 лип»: известно ведь, что в Липовой роще пока еще сохранилось почти 300 мемориальных деревьев. При таком цинично-равнодушном (и, добавим, абсолютно непрофессиональном)¹⁰ к ним отношении их действительно может очень скоро остаться 4–5, т.к. старики эти требуют регулярного ухода и лечения. «Он привлекает дендрологов для лечения деревьев, — сурохо отчитывает В.А. Викторовича строгий судия, — хотя специалисты считают, что ожидаемый эффект кратковременен». Нам безразлично, что думают анонимные «специалисты» о деревьях-ветеранах, но интересно, что сказал бы наш оппонент о враче, объявившем пациенту, что старость неизлечима и на ее болезни не стоит обращать внимание. Не говорим уже о том, что музеиная ценность Липовой рощи несомненна: это любимое место детских игр братьев Достоевских, о чем подробно пишет Андрей

⁸ Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. — М., 1999. — С. 12–26.

⁹ См., напр.: Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. — М., 1954. — Т. 2. — С. 105.

¹⁰ Экспонатом в усадебном комплексе являются не только архитектурные сооружения, но и памятники природы. «К этому виду относятся <...> культурные ландшафты: старинные аллеи и парки, пруды <...>, а также памятники природы, имеющие мемориальное значение, т.е. связанные с историческими событиями или лицами» // Сотникова С.И. Музеология: Пособие для вузов. — М., 2004. — С. 176.

Михайлович в своих «Воспоминаниях». Г.Б. Пономарева твердит о воссоздании в Даровом «узнаваемого мира Достоевского» (видимо, того, про который не осилившие школьной программы интернет-пользователи шутят: «Мне мешает быть счастливым Достоевский в голове»). Так вот действительно узнать, как из детских фантазий рождался писатель, можно как раз гуляя в Липовой роще или созерцая даровские горизонты.

Наш оппонент испытывает «недоумение и тоску» по поводу «безрезультатных» и никому не нужных археологических раскопок в Даровом. Искренне сочувствуем заведующей сохранившейся городской квартирой Достоевского! С ее «кочки зрения» трудно понять, что при полной утрате архитектурного памятника первостепенной работой по его реконструкции является усадебная археология (именно так восстановлено Болдино). Злорадствует Г.Б. Пономарева и по поводу находок: археологами они отнесены ко времени Хотяинцевых (XVIII в.) или Ивановых (вторая половина XIX — начало XX вв.). Если следовать ее логике, то флигель, научная реконструкция которого уже состоялась в трудах Т.Г. Бирюковой, никакого отношения к Достоевским не имеет: ни одной вещи с датировкой 1830-х гг. (как будто в быту Достоевские не могли пользоваться предметами, произведенными в конце XVIII в.)! Повторяем: археологическое изучение Дарового не завершено, и мы убеждены: прежде чем спешно расставлять случайную мебель во флигеле, «реконструированном» по фото конца XIX — начала XX вв., необходимо раскрыть неисследованные фундаменты и провести корректную датировку и интерпретацию находок.

Странным образом не входит в стройную картину «подлинного мира Достоевского», создаваемую «профессиональным музейщиком», храм Сопшествия Святого Духа — единственное несомненное мемориальное здание¹¹ (в отличие от флигеля, возраст и степень перестройки которого еще предстоит вы-

¹¹ Эта несомненность подтверждена и постановлением Совета Министров РСФСР № 624, прил.1 от 04.12.1974, на основании которого Моногаровский храм признан памятником архитектуры федерального значения: «Духосоштвенская церковь, связанная с семьей Достоевских, и кладбище, где похоронен отец писателя»// <http://kulturnoe-nasledie.ru/documents.php?id=13>

явить¹²). Музейная ценность моногаровского храма и бывшей при нем усадьбы Хотинцевых подтверждается в первую очередь «Воспоминаниями» А.М. Достоевского: «Большой деревянный дом его <П.П. Хотинцева — В.В., А.Б.> находился возле самой церкви, и мы с маменькой, бывая всякое воскресенье в церкви, каждый раз были приглашаемы из церкви на чашку кофе»¹³. Дневник А.М. Достоевского является неопровергимым свидетельством того, что отец писателя похоронен рядом с храмом (на его могиле Ф.М. Достоевский побывал летом 1877 г., в свой последний приезд в Даровое, и отслужил панихиду в церкви). Касательно знаменитого образа голубка, пролетевшего через купол храма из окна в окно: свидетельство А.Г. Достоевской противоречиво¹⁴, и, чтобы разрешить противоречие, наш оппонент даже готова пожертвовать административно-территориальным статусом Москвы: больничный храм на Божедомке (или другой претендент — на Лазаревском кладбище) объявляется деревенским, поскольку стоит на окраине города. Церковью, где свершалось памятное причастие будущего писателя, «могла быть только московская церковь! Роман «Подросток» для Г.Б. Пономаревой не аргумент¹⁵, но как при музеификации Дарового и Моногарова обойти литературный источник, если в нем живет дорогой для автора образ именно сельского храма. Напомним контекст этого детского воспоминания главного героя: «Я всю эту деревню как во сне теперь вижу, я даже свою няньку забыл. <...> Помню еще около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда

¹² См.: Бессонова А.С. К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое». — С. 164–165.

¹³ Достоевский А.М. Воспоминания. — С. 65.

¹⁴ Приведем его, выделив противоречащие друг другу факты: «Такое воспоминание от 2-х летнего возраста сохранилось и у Ф.М. о том, как мать причащала его в их деревенской церкви, и голубок пролетел через церковь из одного окна в другое» (Примечания А.Г. Достоевской к сочинению Ф.М. Достоевского // Гроссман Л.П. Семинарий по Достоевскому. — М.; Пг., 1922. — С. 66).

¹⁵ Складывается такое впечатление, что заведующая музеем-квартирой писателя категорически против литературно-художественных источников при музеификации Дарового, что вообще абсурд: музейную ценность месту в нашем случае придает именно факт отражения и переосмысливания даровских впечатлений в творчестве Ф.М. Достоевского.

сильный свет солнца в отверенных окнах, палисадник с цветами, дорожку, а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» (13; 92). Не знаем, какими глазами надо читать эти строки, чтобы не видеть в них знаков Дарового! Однако избирательность чтения и тенденциозность интерпретации — основной «научный» метод Г.Б. Пономаревой.

Моногарово, как мы понимаем, вообще не входит в планы Г.Б. Пономаревой: она заранее пугает посетителей расстоянием до церкви в полтора километра (в реальности оно в два раза короче). Если уж храм Достоевских был «разжалован», то что говорить о бывшей церковной школе, входящей в церковный комплекс. О ней Г.Б. Пономарева рассуждает со свойственной ей бескомпромиссностью: дата строительства 1845 г., и потому интерес профессора Викторовича «необъясним», т.е. пусть и дальше дом разрушается. Во-первых, даже если принять дату 1845 г., не исключено посещение школы Достоевским летом 1877 г. А во-вторых, «необъяснимо», почему Г.Б. Пономарева так уверена в 1845 г. Археологи, проводившие исследования, более осторожны в датировке¹⁶. А вот зарайский краевед В.И. Полянчев, основываясь на документальных данных, называет дату 1820–1821 гг.¹⁷ Кстати, обмеры кирпичей колокольни (1822 г.) и школы свидетельствуют об одном времени постройки.

Поток обвинений в дремучем невежестве вызвал наш проект приспособления здания бывшей церковной школы — «Михайло-Мариинская обитель». Г.Б. Пономарева лукаво умалчивает первопричину такого проекта. Вот уже несколько лет при поддержке благотворителей мы восстанавливаем заброшенные могилы семьи Достоевских. Ближайшая наша задача — создание при Свято-Духовском храме некрополя родителей Ф.М. Достоевского: рядом с отцом писателя будет погребена его мать, останки которой почти 80 лет хранились как фондовая единица в НИИ и Музее антропологии МГУ и только в 2012 г. при

¹⁶ Сыроватко А.С. Археологические исследования усадьбы Достоевских Даровое // III Летние чтения в Даровом. — С. 121.

¹⁷ Полянчев В.И. Зарайская энциклопедия. — М., 1995. — С. 153.

участии НП «Заповедное Даровое» были переданы в Иоанно-Предтеченский собор Зарайска. Культурный и духовный центр памяти родителей Достоевского «Михаило-Мариинская обитель» при Свято-Духовском храме не претендует на канонизацию Михаила Андреевича и Марии Федоровны, что безосновательно приписывает нам Г.Б. Пономарева. Проект по созданию «Михаило-Мариинской обители» стал в 2013 г. победителем конкурса «Православная инициатива». Почему-то в координационном комитете под патронатом Святейшего Патриарха Кирилла в нашей идеи не увидели ничего кощунственного. Наверное, «профессиональный музейщик» даже здесь хочет «быть святым Папы»¹⁸.

Увековечивание памяти достойных родителей достойного сына преследует важную цель — реабилитацию образа М.А. Достоевского в массовом сознании, от которого, как видно, Г.Б. Пономарева недалеко ушла: «А жизнь в Даровом Михаила Андреевича, сломленного смертью жены, в падениях и грехах, хотя бы и прощаемых такими же грешными, как он?». Такие же грешные, как он, — это, похоже, сын Андрей Михайлович: «При его летах и в его положении кто особенно осудит его за это?!» или Федор Михайлович: «А уж такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат!»¹⁹.

Г.Б. Пономарева поднимает, как знамя, книжку Т.Г. Бирюковой. Мы уже имели возможность оценить сомнительную научность этого сочинения²⁰, и не хотелось бы повторяться. Достаточно сказать, что даровской фотоархив из фондов Государственного литературного музея до конца не атрибутирован, ждут своего часа архивные документы в Туле и семейная переписка Ивановых, совсем недавно участником нашей научной группы Г.С. Прохоровым опубликованы новые материалы по истории усадьбы первой трети XX в. Однако Т.Г. Бирюкова, ни в чем не сомневаясь и заручившись поддержкой Г.Б. Пономаревой, уже выдвигает проект реконструкции флигеля и «мазанки» по фотографиям XX в. И неважно, что приехавший в 1887 г. в Даровое

¹⁸ «Обитель — дом, жилище, виталище, помещение, жилье, жило, квартира, кров, изба, дом или часть его». — **Даль В.И.** Указ. изд. — С. 1508.

¹⁹ **Достоевский А.М.** Воспоминания. — С. 103, 91.

²⁰ См.: **Викторович В.А.** О «сакральном» музееведении. — С. 223–230.

А.М. Достоевский не узнал перестроенного отцовского дома (в таком виде он и запечатлен на снимках), куда даже не зашел, и провел весь день в любимой Липовой роще²¹.

Другие достижения своей протеже Г.Б. Пономарева провозглашают с не меньшим апломбом: «Бирюкова впервые констатировала сохранность природного ландшафта». Исследователи, вот уже сотню лет описывающие Даровое²², как видим, в расчет не берутся: все начинается с «профессионалов» Пономаревой — Бирюковой. А те, кто «после», естественно, все украли.

Наконец о гламуре²³. Поводом для сей богатой во всех отношениях мысли стала наша идея *литературно-биографической экспозиции*. Один из возможных ее вариантов (пилотный проект) — выставка «Достоевский. Дорога детства» — демонстрировалась сначала в рамках Международной научной конференции «Достоевский в диалоге культур» (Коломна, 2009), а затем была показана участникам и гостям «III Летних чтений в Даровом» (Даровое, 2011). Зомбированными нашим выставочным гламуром (в терминах уважаемого музейного работника) оказались в первую очередь ученые-достоевковеды. Фильм, снятый по выставке, впоследствии демонстрировался в рамках Международных чтений «Достоевский и мировая культура» в Музее Ф.М. Достоевского в Петербурге. Ни от кого из специалистов мы почему-то не услышали обвинений в фальсификации и подтасовывании текстов Достоевского, а также искажении биографических фактов. Г.Б. Пономаревой, похоже, и здесь хочется быть первой и единственной. Это ее выбор. А всех желающих составить собственное мнение о выставке отсылаем на наш сайт²⁴.

²¹ Дневник А.М. Достоевского 1887–88 гг. // РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 56. № 3. Л. 7.

²² Назовем в этом ряду И.П. Перлова, В.С. Нечаеву, Н.А. Калинину и С.П. Орловского, В.И. Полянчева, Г.А. Федорова, Г.Ф. Коган, М.А. Нуждину, Л.А. Воронкину. Ссылки на некоторые работы см.: **Бессонова А.С.** К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое». — С. 149–150.

²³ Гламур [англ. glamour — очарование, шик]. Показная роскошь, демонстративное великолепие; нарочитый шик// Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 2009.

²⁴ Концепция выставки «Достоевский. Дорога детства» <http://darovoe.ru/project/childhood>; фильм «Достоевский. Дорога детства» <http://darovoe.ru/project/films>.

По части вольного обращения с чужим текстом Г.Б. Пономаревой нет равных: для этого нужен особый талант и сильная мотивация. Потому еще раз несколько слов о нашей деятельности, которую ее «интерпретатор» считает исключительно вредной. Просто перечислим основные результаты, и пусть сам читатель решает, насколько много в ней «гламура» и «дилетанства» и мало исторической правды и профессионализма.

1. Выявлены и частично опубликованы в трех сборниках «Летние чтения в Даровом» (в этом году выходит четвертый) новые архивные источники по истории усадьбы: межевые планы XVIII—XIX вв., дневник и переписка А.М. Достоевского, документы музейной деятельности 1920-х гг., готовятся к изданию письма Ивановых, последних владельцев Дарового, архив Свято-Духовского храма.

2. Проведено дендрологическое, почвоведческое, орнитологическое исследование мемориальной Липовой рощи (результаты опубликованы) и начато лечение деревьев, помянявших Достоевского. Ежегодно проводится посадка молодых лип, дубов и берез с целью регенерации как Липовой, так и Фединой рощи. Все это, а также регулярная расчистка зеленого массива, уход за ним, формирование экскурсионной тропы улучшили экологическое состояние и сделали возможным посещение усадебной рощи.

3. Начато археологическое обследование усадебной и церковной территории (Даровое и Моногарово). Результаты также опубликованы. Работа не завершена, т.к. необходимо дальнейшее финансирование.

4. Расчищены три мемориальных погоста, где похоронены отец писателя, его сестра и племянницы. Установлен кенотаф в память о М.А. Достоевском, восстановлена могила последней хозяйки Дарового М.А. Ивановой. В 2012 г. из Музея и НИИ антропологии МГУ в Иоанно-Предтеченский собор Зарайска перенесены останки матери писателя для последующего захоронения на церковном погoste вблизи усадьбы.

5. Удалось добиться начала реставрации храма Сосуществия Святого Духа, прихожанами которого были Достоевские. Федеральный статус памятника архитектуры требует ежегодных конкурсных процедур для продолжения восстановительных

работ. К сожалению, последние три года моногаровский храм не может «пробиться» в заветный перечень ФЦП «Культура России». Мы прилагаем все усилия для дальнейшего восстановления храма Достоевского²⁵.

6. Традиционной стала научная конференция «Летние чтения в Даровом» (в 2013 г. состоялась четвертая). Обязательной частью программы является выездное заседание в Зарайске (с посещением Дарового), где обсуждаются проблемы сохранения и развития усадьбы Достоевских²⁶.

7. Десять лет в усадьбе и в Моногарове работают студенческие экспедиции. В последние годы к коломенским студентам присоединились волонтеры из Москвы и Тольятти, коломенские старшеклассники, учащиеся Зарайского педагогического колледжа. Именно их стараниями усадьба и территория храма имеют ухоженный вид и доступны для посещения²⁷.

8. В 2013 г. удалось добиться строительства асфальтированной дороги к Свято-Духовскому храму.

9. Работу с детьми мы считаем одним из приоритетов: будущий музей в Даровом — это, по нашему глубокому убеждению, музей *детства* великого писателя. Проводимые нами меропри-

²⁵ Г.Б. Пономарева по одной ей понятной логике назначила виновным в промедлении ... инициатора реставрации: «Слишком долго он уже руководит <...> безрезультатной реставрацией моногаровского храма». Интересно, как «профессиональный музейщик» представляет себе руководство реставрационными работами — вузовским профессором-филологом?

²⁶ Кстати, с самого начала (2003 г.) организуемые нами конференции (и публикуются по их результатам сборники материалов) послужили площадкой для выступлений Г.Б. Пономаревой и Т.Г. Бирюковой, о чем они скромно умалчивают.

²⁷ Наш оппонент высокомерно замечает: В.А. Викторович «привлекает студентов к охранению Дарового, расчищается его территория, что во всех отношениях полезно и педагогично. Но может ли проф. Викторович дать молодежи действительные знания и понимание культурологической, музейной деятельности, за которую взялся?». Наши студенты и волонтеры из других регионов очень хорошо знают современную музейную реальность: в Даровом на 10 усадебных гектарах один (!) дворник. Т.Г. Бирюкова насчитала «более 20 объектов показа». Для отдаленного будущего, полагаем. А студенты и школьники своим реальным трудом уже сегодня сохраняют природную территорию Дарового и делают ее доступной для осмотра. Так кому кого учить «культурологической деятельности», а заодно и гражданской позиции?

ятия для детей — апробация той культурно-просветительской и образовательной деятельности, без которой мы не представляем музей-заповедник «Даровое». В частности, мы реконструировали любимое детское развлечение братьев Достоевских — «игру в диких» и в Робинзона, в основе которых столь нелюбимая Г.Б. Пономаревой театрализация.

10. О Даровом должно узнать как можно больше людей — у нас в России и за ее рубежами. Достоевский — имя всемирное, и земля его детства не заслужила забвения. С этой целью НП «Заповедное Даровое» создало и развивает сайт www.darovoe.ru — единственный сейчас интернет-ресурс, подробно рассказывающий о Даровом, а также о работе по его изучению и сохранению. Популяризации Дарового служат и наши выставки. Последняя — о семье Достоевских — работает в церковном доме Зарайского благочиния, в ее подготовке принимали участие Государственный литературный музей и Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге. В этом же ряду — событийные акции культурно-познавательного туризма. Так, летом 2013 г. совместно с Гослитмузеем мы организовали поездку в Даровое в рамках культурной программы XV симпозиума Международного общества Достоевского. Мы получили множество благодарственных откликов от российских и зарубежных участников симпозиума, ученых и музейщиков.

Последнее мероприятие посетила и Г.Б. Пономарева. Ее возмутила форма представления нашего проекта «Заповедник Даровое» — натянутые прямо на стогах сена в саду баннеры — «детские картинки» из истории Дарового, огромная книга «Весь Вальтер Скотт», цитаты из Достоевского в виде деревьев с вращающейся короной, хронологическая лента Дарового, опоясавшая старую яблоню и т.п. Такая театрализация, как полагает наш оппонент, «посягает на саму природу музея». Однако напомним коллеге, что юный Федя Достоевский в Даровом не ходил по струнке, а придумывал увлекательные игры, инсценировал жизнь индейцев и Робинзона Крузо. Это ли не была театрализация, развивавшая творческую фантазию? Игра! Вот чего боится наш оппонент и чего требует «не пуштять» в сакральное музейное пространство. «Музей не любит лицедейства, он хранит память о подлинном». Да зачем же противопоставлять (тем более в му-

зее детства) одно другому? Зачем закрывать путь к «подлинному» — через увлекательное «лицедейство»? Неужто подлинное может быть только в нафталине?

В понятие музейного профессионализма, о котором так хлопчет наш оппонент (почему-то закрывая двери перед филологами по первой специальности), на наш взгляд, должна входить способность **развиваться**, отвечая запросам нового времени. Пол Алезраа, известный музейный консультант, участвовавший в разработке концепции ГМИИ, высказался на этот счет очень категорично: «Я считаю, что в России много профессионалов. Но это профессионалы, ориентированные на реставрационно-консервационную деятельность. Понимаете, это не музеи как современные институции. И трудность заключается в том, чтобы убедить их, что музеи существуют не только для них, что музеи существуют для посетителей»²⁸.

Непонятно, с чего взяла Г.Б. Пономарева, что мы хотим «историческую реальность Дарового заменить мультимедийной реконструкцией»? Последняя предлагалась как *один из способов* неразрушающей реконструкции при обязательном воссоздании в полном объеме флигеля. Краеугольный же камень предлагаемой нами концепции музея-заповедника в Даровом: СОХРАНИТЬ главный экспонат — ландшафт Дарового, спасти Липовую рощу и Свято-Духовский храм, сад и пруд, въездную аллею и Федину рощу, панораму Лоска и Нечаевский погост. Это и есть несомненные «подлинные вещи», которыми сейчас располагает Даровое и которым грозит уничтожение.

Гектары (!) вокруг Дарового уже выставлены на продажу под ИЖС, поле напротив Маменькиного пруда давно в частной собственности, а с порога флигеля открывается вид на туалет нового владельца мемориальной части усадьбы. Мы своими силами пока что не можем добиться введения уже разработанных охранных зон и запрета на застройку территории памятника. Единственная усадебная постройка — деревянный флигель — с момента закрытия размещавшейся в нем библиотеки (а это середина 1980-х гг.) не отапливается, в нем нет электричества, а

²⁸ Алезраа Пол. Многочасовые очереди на выставки — это ненормально. Интервью // The Art Newspaper Russia. — № 25. — 2014. Июль — август. <http://www.theartnewspaper.ru/posts/644/>

посетить его могут волею хозяев (музея «Зарайский кремль» и Министерства культуры Московской области) только организованные экскурсии. Для индивидуальных посетителей флигель закрыт. Вот бы всем этим озабоченному работнику культуры России»²⁹.

Г.Б. Пономарева авторитетно заявляет, что в статье «К вопросу о концепции музея-заповедника “Даровое”» никакой концепции нет. Отсылаем музейного работника к «Рекомендациям по созданию музеев-заповедников и их развитию»³⁰, которыми мы руководствовались. Мы убеждены, что Даровое, а также мемориальные Моногарово и Черемошня имеют все основания для объединения в самостоятельный музей-заповедник, подобный (если брать Подмосковье) пушкинским Большим Вяземам — Захарову, чеховскому Мелихову и блоковскому Шахматову. Есть концепция или нет концепции, насколько основательны и убедительны наши разработки и предложения, должно решать музейное и научное сообщество, к которому мы и обращаемся. Следов объективности и подлинного профессионализма, а главное, **понимания специфики Дарового как природо-культурного музея**, в выступлениях Г.Б. Пономаревой мы не обнаруживаем. В конечном счете дело ведь не в наших амбициях, а в том, какое направление примет формирующийся музей. Направление, предлагаемое Г.Б. Пономаревой и Т.Г. Бирюковой, находится вне зоны научной ответственности и далеко от современных тенденций музейного творчества, а призыв удовлетвориться «аршином пространства» и просто губителен для Дарового как сохранившейся (пока!) территории детства великого писателя.

²⁹ Напротив, 15 декабря 2011 г. заведующая Московским музеем Достоевского использовала весь свой административный ресурс, дабы воспрепятствовать обращению московских учителей и библиотекарей (собравшихся в музее на конференцию) в Правительство Московской области с призывом о спасении Дарового (см.: <http://darovoe.ru/archives/369>). Причиной столь иррациональной агрессии было, очевидно, активное участие в акции ненавистных коломенских «гламурщиков». Именно после этого скандального приключения мы вынуждены обходить стороной «территорию» Г.Б. Пономаревой.

³⁰ Познакомиться с документом можно на сайте Министерства культуры Российской Федерации: Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников в РФ. Приложение № 8 // <http://mkrf.ru/documents/programs/>

Георгий Прохоров*

ЧТО ЗА МУЗЕЙ БЫЛ В ДАРОВОМ В 1923–1929 ГГ.

«Все документы 1920-х годов касательно Дарового были de facto именно протоколами о намерениях, декларациями... Помолька, как известно, иной раз не приводит не только к рождению ребенка, но даже и к свадьбе. В данном случае ребенок даже не был зачат. И нечemu было “таять” — чего не было, того не было», — читаем мы в статье заведующей московским Музеем Достоевского Г.Б. Пономаревой «Культурный гламур вместо памяти Достоевского». Нетривиальное мнение¹. Сравним название архивного дела, в котором сохранилась наиболее систематизированная часть документов об усадьбе Достоевских в Центральном государственном архиве Московской области — «Переписка с Главмuseем и Каширским уисполнкомом об

* **Об авторе:** Прохоров Георгий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы МГОСГИ (Коломна), автор статей по теории литературы, работ о «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского, об истории усадьбы Даровое.

¹ Употребление по отношению к усадьбе в Даровом 1-й половины 1920-х гг. понятия «музей» вообще-то традиционно — см., например, статью: **Малышова Г.В.** Подмосковные музей-усадьбы: история становления и деятельности (по материалам фондов Музейного отдела Наркомпроса и МОНО) // Первые всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и московедения. — М., 2009. — С. 227. Подчеркнем, ее автор совершенно независим и нейтрален, она не связана с кругом коломенских исследователей и никак не вовлечена в их исследовательские проекты.

охране музея-усадьбы “Даровое”, принадлежавшей писателю Достоевскому»².

Может быть, ошибка архивистов? — Вряд ли.

Сестры Ивановы не сомневались в музее, причем их нисколько не пытались урезонить представители Музейного подотдела МОНО: «Ввиду того, что сестра моя, Мария Александровна Иванова, настолько плохо себя чувствует, что можно сказать, что дни ее сочтены, прошу Губмузей известить меня, имею ли я право проживать хотя некоторое время после ее смерти в нашем доме. Мне требуется документ на это от Губмузея, т.к. дом наш считался пока музеем имени Ф.М. Достоевского, но может случиться, что граждане с. Дарового пожалуй вздумают воспользоваться домом и разобрать по рукам всю домашнюю обстановку, до наших семейных карточек включительно»³. Губмузей известит ее, что не имеет такого права, но при этом ни одним словом не намекнет, что музея-то никакого нет. Отметим здесь же, М.А. Иванова вела переписку с властными органами на официальных бланках Наркомпроса⁴. Откуда у нее были бланки, если в Даровом ничего и никогда не было?

Бланки были, потому что в первой половине 1920-х годов Наркомпрос и его руководители представляли Даровое как музей Достоевского: «Отдел [по делам музеев] просит дать распоря-

² ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Настоящее дело опубликовано нами в практически полном объеме (за вычетом нескольких дублирующих документов) в статье: [Прохоров Г.С.] Переписка с Главмuseем и Каширским училищом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому // А.П., Ф.Д. и В.В.: Сб. научн. тр. к 60-летию проф. В.А. Викторовича. — Коломна, 2010. — С. 183–228. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/perepisika_glavmuzey.pdf

³ Прохоров Г.С. «Говорили, будто сын барина, Федор Михайлович, большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у этакого отца такой сын был»: К вопросу об идеологической аранжировке в текстах о Даровом 1920-х годов // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. — № 2(10). — Коломна, 2010. — С. 151–152. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/govorili_budto.pdf. Оригинал: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2504. Л. 27–28.

⁴ См., например, письмо А.В. Луначарскому от 19.08.1924 г., написанное и отправленное из Дарового. [Прохоров Г.С.] Переписка с Главмuseем... — С. 207–208. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/perepisika_glavmuzey.pdf. Оригинал: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 21–21 об.

жение Каширскому Уземотделу о незаключении каких-либо договоров на означенное владение, так как в исполнении декрета об охране памятников природы, садов и парков от 16-го сентября 1921 г. “Даровое” объявлено Наркомпросом национализированым памятником **музейно-академического** значения и подлежит ведению Отдела по делам музеев»⁵.

В **музей** в Даровом ездили корреспонденты 1920-х гг., начиная с А. Дроздова, первого визитера: «Вы сидите в креслах, купленных писателем на скучный гонорар за его романы, и слушаете рассказы свидетельницы его кромешной, припадочной и большой жизни, — со стен смотрят на вас коричневые лица людей живших и живущих еще, ветер гнет за оконшком тополя, пережившие их хозяина. **Музейная** тишина медленно ходит по сонным комнатам»⁶.

Туда же ездили и настроенные негативно по отношению к усадьбам, дворянам, Ивановым и заодно Достоевскому представители каширских муниципальных властей: «Как-то автору этих строк [инструктору Каширского уездного исполнкома Л. Юсфилу] пришлось быть в Достоевской волости Каширского уезда (Моск^{овской} губ^{ернии}). Само название волости говорит о какой-то связи с Достоевским-писателем, получив это название в 1924 году. Через Волисполком удалось установить, что в волости при с. Даровое есть **музей** Достоевского»⁷.

Ученые 1920-х годов, Г.И. Чулков, В.Ф. Переверзев, Ф.Ф. Бережков, П.С. Попов, Н.Ф. Бельчиков, В.Ф. Саводник, А.И. Кондратьев, тоже не сомневались, что в Даровом — музей. Во всяком случае, это единственно возможный вывод, следующий из официального протокола заседания Комиссии по изучению Достоевского Государственной академии художественных наук от 28 октября 1925 г.: «Комиссия приняла предложение

⁵ Там же. — С. 207. Оригинал: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 13.

⁶ Прохоров Г.С. «Езда в Дарове», или усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х годов// Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. — № 2(14). — Коломна, 2013. — С. 7 (републикация статьи А. Дроздова «Усадьба Достоевского: (“Даровое”)» из газеты «Известия» № 253 (2283) за 1924 год, сопровожденная комментариями). То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/ezda_v_darovoe.pdf.

⁷ ГАРФ. А–2307. Оп. 10. № 170. Л. 65–66.

В.Ф. Переверзева и постановила в случае ликвидации **музея** в Даровом ходатайствовать о вывозе предметов, связанных с именем Достоевского, в Исторический музей и произведении фотографических снимков с внешнего и внутреннего вида дома»⁸.

Но, может быть, на статус Дарового принципиально отличный взгляд был у музейщиков 1920-х годов? — «...стоявшие у истоков науки о Даровом И.П. Перлов, В.С. Нечаева ничего такого не заявляли и имели абсолютно ясный взгляд: Даровое не было и не стало тогда музеем» (Г.Б. Пономарева).

И опять-таки «нет» — единственный возможный ответ:

31 декабря 1928 г.
№ 41-39
Музейн. п/отд
Зав. музеем им. Достоевского
В.С. Нечаевой

Настоящим Музейный п/отдел сообщает Вам, что усадьба «Даровое» причисляется к Вашему **музею** как его **филиал**. О всех практических взаимоотношениях Вы договоритесь в п/отделе.

Зав. Музейным п/отд.
Секретарь

Клабуновский
Кучина⁹

Возможно ли причислить к музею филиал, чтобы этот филиал не был музеем?

Вариант опровергается самой сутью филиала — «...филиалом является **обособленное подразделение юридического лица**, расположенное вне места его нахождения и **осуществляющее все его функции или их часть**, в том числе функции представительства» (ГК РФ. Ч. 1, ст. 55, п. 2).

Но вернемся на три года назад, к заседанию Комиссии Достоевского ГАХНа от 28 октября 1925 г. С чьих слов Комиссия

⁸ Прохоров Г.С. От Дарового к Божедомке. Как «растаял» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. — № 2 (8). Коломна, 2009. — С. 119. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 42. Л. 4.

⁹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2341. Л. 2.

узнала о проблемной ситуации вокруг **музея** Достоевского в Даровом? — непосредственно со слов В.С. Нечаевой: «Комиссия по изучению творчества Достоевского при ГАХН в заседании 28 октября сего года заслушала доклад секретаря комиссии В.С. Нечаевой о посещении ею в июле этого года бывшего имения Достоевского, с. Дарового Каширского уезда Тульской губернии. Бывшая усадьба Достоевских, позднее Ивановых, носит в настоящее время название **музея** и состоит в ведении Зарайского и Каширского губмузея», и далее: «В беседе с помощником заведующего Зарайским губмузеем В.С. Нечаева выяснила, что дальнейшее существование **музея** очень затрудняется отсутствием нужных средств (содержание сторожа, ремонт) и стремлением местных крестьян использовать дом для своих целей (устройство клуба). Позднее, в августе сего года, В.С. Нечаева получила сведения, что **музей в Даровом** подлежит ликвидации и дом передается в пользование крестьян»¹⁰.

Разве можно ликвидировать то, чего не было?

Отметим здесь же, сколь хорошо В.С. Нечаева знала о музее в Даровом, столь плохо о том, что создаваемый ею Московский музей Достоевского — первый в мире. Такая мысль появится лишь в поздних мемуарах¹¹. В 1920-е гг. она так не думала — еще был Музей памяти Ф.М. Достоевского при Государственном историческом музее. Из выступления В.С. Нечаевой на официальном открытии Московского музея Достоевского: «...докладчица останавливается на взаимоотношении **нового музея** с комнатой Достоевского при Историческом Музее, указывая на разные задания этих учреждений и на отсутствие параллелизма в работе. Цель **нового музея**, во-первых, сохранить ту квартиру, в которой вырос писатель; во-вторых, путем подбора экспонатов сделать музей местом знакомства и изучения Достоевского для учащихся, экскурсий и вообще для широких слоев населения».

¹⁰ Прохоров Г.С. От Дарового к Божедомке. — С. 120. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 42. Л. 2.

¹¹ Речь идет о неотредактированных мемуарах В.С. Нечаевой «Записки советского литературоведа», часть которых — об основании Московского музея Достоевского — была с купюрами опубликована в статье: Нечаева В.С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф.М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. — Вып. 6. — Л., 1985. — С. 274–295.

ния, интересующихся Достоевским»¹². Из выступления директора Исторического музея: «М.М. Соколов приветствует музей от Государственного Исторического Музея и высказывает надежду, что как **новый музей**, так и Комната Достоевского в Историческом Музее послужат в будущем к созданию одного большого музея, достойного имени Достоевского»¹³.

И.П. Перлов не менее отчетливо, чем В.С. Нечаева, полагал усадьбу в Даровом музее. Если его фразу «Окна домика постоянно завешаны старыми кисейными занавесками: за ними тишина и **музейный покой**»¹⁴ можно списать на литературную традицию (она повторяет высказывание А. Дроздова), то вот последний абзац его статьи: «Чермашня и Даровое — это погибающий **музей** Ф.М. Достоевского; всеми брошенный и оставленный: домик разрушается, в усадьбе грязь и разоренье. Мы всегда плохо хранили память своих великих соотечественников; кажется<,> мы особенно небрежно относимся к памяти Достоевского. Будет невознаградимой потерей гибель этого деревенского памятника Достоевскому, находящегося в русской крестьянской глупи, среди степей Тульской и Рязанской равнины»¹⁵.

Самые разные источники 1920-х годов свидетельствуют — музей Достоевского в Даровом был. De-facto. И у этого музея был заведующий — М.А. Иванова. «Распоряжение о расследовании действий **управляющей** Ивановой сделано»¹⁶, — ответ Наркомпроса на прошение крестьян Дарового об отстранении заведующей. Или иные прошения:

музейщиков — «ввиду безнадежного состояния здоровья **хранительницы** бывшего имения Достоевского при с. Даровое Моногаровской волости, племянницы писателя Марии

¹² Прохоров Г.С. От Дарового к Божедомке. — С. 126. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 84. Л. 8.

¹³ Прохоров Г.С. От Дарового к Божедомке. — С. 127. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 84. Л. 8 об.

¹⁴ Прохоров Г.С. «Езда в Даровое». — С. 11 (републикация статьи И.П. Перлова «Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского» из сборника «По Тульскому краю» (1925), сопровожденная комментариями).

¹⁵ Там же. — С. 16.

¹⁶ [Прохоров Г.С.] Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом. — С. 219. Оригинал: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 18.

Александровны Ивановой, — просим принять срочные меры к охране имущества, усадьбы, парка и сада писателя Достоевского, находящегося в ведении Зарайского музея»¹⁷,

крестьян — «...события последних дней приняло совершенно обратное направление, так как **заведующая** имением М.А. Иванова выехала в соседнее селение Черемашня и в течение 3-х недель не живет в имении»¹⁸.

Не странно ли писать в различные инстанции с требованием отстранить от занимаемой должности человека, если должности у него никакой не было? Не логичнее ли в таком случае было бы писать в НКВД — о самозахвате, самоуправстве и т.п.? Но в том-то и дело, что полномочия у М.А. Ивановой были, причем делегированные Отделом по делам музеев Наркомпроса через Зарайский музей.

Более того, имелся еще сторож, который тоже был официально назначен и которого необходимо было, если отстранять, то формально: «...сторож, содержащийся на средства Каширского Народного, недостаточно добросовестно относится к исполнению своих обязанностей, результатом чего является хищение вековых лип из парка», а потому «...предложить Каширскому Народному отстранить от занимаемой должности сторожа и освободить занимаемое помещение»¹⁹.

Можно ли сделать из вышесказанного вывод, что музейный статус Дарового был бесспорен? — конечно же, нет.

Главная проблема музеификации Дарового 1920-х годов заключалась в расхождении между положением de facto и de jure. De facto существовал музей. De jure музеификация была проведена неизвестно «како». Национализировав усадьбу, назначив ей заведующего, вписав в структуру музеиных институтов, органы власти не сформировали в Даровом юридической структуры.

С одной стороны, заведующая усадьбой, обладая прямым доступом к музейному начальству разного уровня, бланками Наркомпроса, в то же время получала специальную именную пенсию, а не зарплату, то есть, храня музей, не находилась на службе.

¹⁷ Там же. — С. 219–220. Оригинал: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 22.

¹⁸ Там же. — С. 224. Оригинал: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 26.

¹⁹ Там же. — С. 224–225.

С другой — усадьба, причисленная к музею, не может иметь никакого иного «заведующего», «хранителя» или «управляющего», кроме как главы отдела, филиала и т.п. Сельскохозяйственным предприятием Даровое в 1920-е гг. не было, да и вряд ли музей держат на балансе сельскохозяйственную ферму.

Запутанная юридическая ситуация привела к тому, что со второй половины 1925 г. до 1928 г. о Даровом в документах пишут без конкретизации, как об усадьбе:

Наркомпрос Главнаука
отдел Музейный
16 авг. 1926 г.
№ 9911
В Мосгубмузей
{17 авг. 1926 г. № 18826}

Препровождается по принадлежности отношение Зарайского музея за № 14933 от 4/VIII с.г. по вопросу об охране **усадьбы** Даровое быв. Достоевского.

Приложение: упомянутое.
Зав. секретариатом
Ст. делопроизводитель²⁰

Впрочем, обратим внимание, что речь может идти только о какой-то существующей *de facto* музейной структуре. Даровое на тот момент не находилось с Зарайском ни в одном уезде, ни даже в одной губернии. Будучи просто усадьбой, Даровое спокойно бы перешло вместе с Каширским уездом от Тульской к Московской губернии, не вызывав никаких спорных ситуаций. (Охранять земли и строения в другой административно-территориальной единице Зарайский музей не был обязан.) Спорная ситуация возникнет, если речь идет о вынесенной вовне и переданной в доверительное управление юридической структуре. «Буква» и «дух» не совпадали — писали «усадьба», а подразумевали «музей».

Впрочем, для 1920-х годов характерно невнимание к формальной стороне. Московский музей Достоевского 1927/28 гг.

²⁰ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 78. Л. 158.

находился в схожем положении: «Музейный П~~од~~/Отд~~ел~~ МОНО всемерно поддерживает мысль увековечения памяти Фед~~ора~~ Мих~~айловича~~ Достоевского в том помещении, в котором он родился и провел детские годы. Отдел полагает, что лучшей формой была бы организация в комнатах квартиры Достоевских мемориального музея. Задача настоящего года: закрепление помещения за Музеем, не занимать его жильцами, соответствующее хозяйственное обеспечение, что могла бы взять на себя больница им. Достоевского и начало развертывания и собирания материала»²¹. О каком музее идет речь в последнем предложении и какому музею ставят задачу на ближайший год, если из первого видно, что музея еще нет?

Видимо, моментом «рождения» музея в 1920-х годах служил миг, в который принималось «политическое решение», а вовсе не момент выхода приказа. Вероятно, здесь играла роль не только послереволюционная неразбериха, но и память старых музейщиков о том, что музей — не обязательно учреждение. Связанные генетически с кабинетами ученых, это, по существу, места, в которых публично выставлены коллекции: «Два новых слова появляются в XVI столетии, чтобы выразить концепт музея. “Галерея” (от итальянского “galleria”) — длинный, величественный зал, освещенный с бока и используемый для экспонирования картин и скульптур. “Кабинет” (от итальянского “gabinetto”) — обычно квадратная комната, заполненная чучелами животных, ботаническими раритетами, небольшими произведениями искусства, такими как медальоны или статуэтки, предметами материальной культуры, любопытными находками, то есть то, что немцы называли *Wunderkammer*»²². Развившиеся из этих галерей и кабинетов

²¹ Прохоров Г.С. От Дарового к Божедомке. — С. 122–123. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 53. Л. 39.

²² Alexander E.P. Museums in Motion: An Introduction to the History and Functions of Museums. — Lanham : AltaMira Press, 2008. — P. 5. (Оригинал: «Two new words appeared in the 16th century to express the museum concept. The gallery (Italian: galleria), a long, grand hall lighted from the side, came to signify an exhibition area for pictures and sculpture. The cabinet (Italian: gabinetto) was usually a square-shaped room filled with stuffed animals, botanical rarities, small works of art such as medallions or statuettes, artefacts, and curios; the Germans called it *Wunderkammer*»).

музеи сделали эти коллекции доступными публике²³. У них может не быть ни государственного статуса, ни юридической формы, но должны быть смысловая целостность и публичность²⁴.

Смысловое целое у музея в Даровом 1920-х годов прослеживается четко, причем из весьма разных источников. Доминантой его служили — ландшафт и вписанный в ландшафт дом.

Ландшафт:

«...оттуда же — карамазовская Черемашня, убогая, хилая деревенька, где и в наши дни занищало и темно живут мужики. Воспоминания писателя и брата его, Андрея Михайловича, свидетельствуют о сильном влиянии этого печального угла России на склад мировоззрения Федора Михайловича» (А. Дроздов)²⁵,

«Можно и теперь узнать места и уголки Дарового, отраженные в «Дневнике писателя». Городской житель по преимуществу и бытописатель города, Достоевский впервые увидел деревню в Даровой и в ней получил, по его свидетельству, самые сильные впечатления <...>. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» часто мелькают Даровские картинки и типы...» (И. Перлов)²⁶.

²³ Там же. См. название фрагмента: «От частной коллекции к общественному музею» («From Private Collection to Public Museum»). См. также: Findlen P. The Museum: Its Classical Etymology And Renaissance Genealogy // Journal of the History of Collections. — Vol. 1, Iss. 1. — 1989. — P. 59–78 («Соединяя общественное и частное пространства, гуманистическую идею созиания коллекций как текстологическую стратегию и социальные требования престижа и выставления на показ коллекции, музей был эпистемологической структурой, которая заключала в себе многообразие идей, образов и институтов, свойственных позднеренессансной культуре». Оригинал: «Mediating between public and private space, between the humanistic notion of collecting as a textual strategy and the social demands of prestige and display fulfilled by a collection, museum was an epistemological structure which encompassed a variety of ideas, images and institutions that were central to late Renaissance culture». — P. 59).

²⁴ Alexander E.P. Museums in Motion... — P. 1–2. Cp.: Bennett T. The Birth of the Museum: History, Theory, — Politics. Abingdon : Routledge, 1995. — P. 36.

²⁵ Прокоров Г.С. «Езда в Даровое». — С. 6. [Настоящая статья включает в себя комментированную рецензию на статьи о Даровом 1920-х годов — А. Дроздова, И.П. Перлова, В.С. Нечаевой, а также полемической заметки Л.П. Гроссмана.]

²⁶ Там же. — С. 13.

«Нет сомнения, что в длинном рассказе Вареньки <...> изображены детские впечатления самого Достоевского, его летнее пребывание в отцовском имении — сельце Даровом, Тульской губернии, Каширского уезда. Все элементы, из которых складывается деревенский пейзаж “Бедных людей” и “Униженных и оскорбленных”, взяты оттуда: там эта изрезанная оврагами почва, эта липовая роща около дома, пруд за садом, озеро не вдалеке от усадьбы. Даже сейчас, когда вырублены кругом леса, когда спущен пруд и сырое дно его засажено капустой, а от озера осталась небольшая лужица под зеленым откосом, можно узнатъ пейзаж, который светлым видением сопровождал жизнь героя произведений Достоевского, — и, вероятно, жизнь самого автора» (В. Нечаева)²⁷;

дом:

«Дом постарел, шатнулся²⁸, покривились стены и облупилась краска; вздыхают под ногою ступеньки крыльца, потолок покоробился, пошел щелями. Здесь, храня память о писателе, живут его родные племянницы...» (А. Дроздов)²⁹,

«За липовой рощей и тополями в усадьбе тихо и уютно, и старый полинявший домик как бы на веки задремал под их могучими ветвями. <...>. Этот маленький полинявший домик с покосившейся террасой весьма похож на один из тех мелкопоместных домиков захудалого барина-однодворца, описание которых так часто можно встретить у Тургенева и которые являются теперь величайшей бытовой редкостью» (И. Перлов)³⁰,

«Маленький, выкрашенный яркой синей краской домик в Даровом в основе своей был построен М.А. Достоевским, отцом писателя. <...>. Низкие, тесные комнатки с небольшими оконками, выходящими с одной стороны в сад, с другой — на проезжую дорогу, вероятно, помнят 10–15-летнего Достоевского,

²⁷ Там же. — С. 17.

²⁸ Обратим внимание на очевидный параллелизм между домом и Достоевскими: «Память о себе Михаил Андреевич оставил недобрую. Потеряв жену, он шатнулся душой. Боль по умершей вылилась в тоску, когда, стена, бился он головой о низенькие стены осиротевшего своего дома...» (А. Дроздов).

²⁹ Там же. — С. 6.

³⁰ Там же. — С. 10–11.

со всей семьей приезжавшего в деревню на летние месяцы» (В. Нечаева)³¹.

Связующим центром, по сути дела главным «экспонатом», была сама Мария Александровна Иванова, принимающая гостей в усадьбе и рассказывающая о Достоевском: «В гостиной вас встречает хозяйка, древняя дряхлая старуха, одетая в стариное линялое зеленое платье с кружевным воротником, с седыми завитыми пережженными булавками: это и есть племянница Ф.М. Достоевского М.А. Иванова. Низенькая с темными обоями гостиная, увешанная фотографическими портретами родни Достоевских и Ивановых, заставляет переживать что-то далекое, отошедшее» (И. Перлов)³². Связь между музеем в Даровом и его хранительницей была столь явной, что ликвидировать музей значило изгнать М.А. Иванову, равно как и наоборот: «Прибыв в с. Даровое³³ удалось попасть в этот “музей”. Сторож музея (работала все время у помещиков <нрзб.> дома) удивленно встретил приезд. После осмотра всего оказалось, что это есть самое настоящее барское имение, где испокон веков жили дворяне. Заявляют³⁴, будто когда-то был здесь Достоевский <...> Сейчас уже вопрос об выселении помещицы из имения поднят и³⁵, очевидно³⁶, “музей” будет ликвидирован. Надо думать, что у нас еще изрядное количество музеев³⁷, которые можно закрыть, учитывая их состояние и значение для трудовых масс СССР»³⁸.

Музей в Даровом, таким образом, изначально обладал своеобразной перформативностью. Пространство дома не было преобразовано усилиями музейщиков, да этого и не требовалось. Оно оставалось жилем. И в этом жилом пространстве для каждого конкретного посетителя творился рассказ о жизни и творчестве Достоевского.

Музейщик ли создает музей? Это — одна музеологическая концепция. Есть и другая, которую в 1918–1920-х годах продвигал о. Павел Флоренский (с опорой на работы И.И. Муратова, Ю.А. Олсуфьева). Концепция «живого музея», не изолирующего, не останавливающего, а продолжающего жизнь артефактов и по-

казывающего эту продолженную жизнь вплоть до здесь и сейчас: «Из дальнейшего, может быть, станет ясно, что Музей, — доведу свою мысль до конца, — Музей, самостоятельно существующий, есть дело ложное и в сущности вредное для искусства, ибо предмет искусства хотя и называется вещью, однако отнюдь не есть вещь, не есть ерунда, не есть неподвижная, стоячая, мертвя мумия художественной деятельности, но должен быть понимаем как никогда не иссякающая,ечно бьющая струя самого творчества, как живая, пульсирующая деятельность творца, хотя и отодвинутая от него временем и пространством, но все еще неотделимая от него...»³⁴.

И.П. Перлов — заведующий шефствующим над Даровым Зарайским музеем — был выходцем из духовного сословия, выпускником духовного училища³⁵ и духовной семинарии³⁶. Он понимал музей в смысле, близком к характерному для о. Павла³⁷. В социальном окружении И.П. Перлова был С.Н. Дурылин — добный знакомый отца Павла, участник той самой комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, на заседаниях которой о. Павел Флоренский и озвучивал свои музеологические постулаты.

От концепции Флоренского весьма далеко до массово усвоенной концепции музея: «Не встретила сочувствия эта идея [создания мемориального музея Достоевского] и у моих сотоварищей — аспирантов РАНИОН, а особенно “переверзевцев”, которые подсмеивались надо мной, как будущим “хранителем” котелков и других вещей Достоевского»³⁸. Однако деятелям 1920-х гг. было видно, что Даровое (и иные усадь-

³⁴ Флоренский П.А. Храмовое действие как синтез искусств // Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. — М., 1996. — С. 200.

³⁵ См.: Выпуск Зарайского духовного училища 1908-го года (HTML-document: <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/zarayskdu.html>)

³⁶ См.: Выпуск Рязанской духовной семинарии 1914-го года (HTML-document: <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/guzansem.html>)

³⁷ Ср. посланные в Наркомпрос объяснения И.П. Перлова по поводу столкновения с Рязанским губернским музеем из-за попытки музеифицировать домик актера МХАТа Артема. ГАРФ. А-2307. Оп. 10. № 170. Л. 72–74 об.

³⁸ Нечаева В.С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф.М. Достоевского. — С. 278.

³¹ Там же. — С. 17–18.

³² Там же. — С. 11.

³³ ГАРФ. А-2307. Оп. 10. № 170. Л. 65–68.

бы) имеют музейный потенциал именно в рамках «живого музея», — и именно так музей в Даровом существовал и таким его пытались развивать — ср. из заключения Государственного ученого совета:

«Постановили:

4) Передать заслушанное заявление в Музейный отдел Главнауки. По этому частному поводу подсекция считает необходимым высказать общее положение, что помимо зданий и реликвий огромное значение имеет сохранение пейзажа тех усадеб и окрестностей, где жили и работали крупнейшие наши писатели, ибо пейзаж этот входит существенной составной частью в их литературное творчество»³⁹.

Не госучреждение, не набор реликвий, размещенных по витринам, не территории, преображенная музейщиком, — а прежде всего существующий ландшафт (включающий природу, дом, людей), который, естественным образом меняясь, несет в самом себе крупицы былого. У ландшафта ведь нет и не может быть «завершенности» или «абсолютного прошлого», как на то указывает Флорентийская хартия — базовый документ в области музеефикации садов и парков: «Исторический сад»⁴⁰ является архитектурной композицией, состоящей в основном из растительного материала, таким образом — живого, и в связи с этим портящегося и обновляемого. Его вид зависит от постоянного равновесия между циклическими изменениями сезонов, от расцветов и увяданий в природе, а также и от искусственных мероприятий, которые поддерживают его состояние. <...> Реставрационные работы должны считаться с эволюцией данного сада. В принци-

³⁹ ГАРФ. А-298. Оп. 1. № 122. Л. 85–85 об.

⁴⁰ Обратим внимание, под «садом» здесь понимается не только собственно сад, но в широком смысле ландшафт, в который включаются и дома, и строения: «Исторический сад, связанный или не связанный со зданием, от которого он, конечно, неотделим, не может быть также отделен и от своего собственного городского или сельского,нского или естественного окружения. Историческое место (историческое пространство) представляет собой ландшафт, связанный с важным историческим событием, легендой, или эпосом, является темой известного полотна и т.д.» (Флорентийская хартия (1981). — Ст. 7–8. HTML-document: <http://www.archiseasons.ru/florentiyskaya-hartiya/>).

пе они не должны отдавать предпочтение одной эпохе за счет другой...»⁴¹.

К такому типу музея критерий Г.Б. Пономаревой («нельзя возвести в ранг музея настоящее, текущее, эмпирическое, все-таки мыувековечиваем прошлое, а не незаконченное настоящее, когда неизвестно, заслуживает ли оноувековечения») в принципе не применим. Ландшафт всегда современен и всегда меняется. Кстати, вот что интересно. Чтобы подтвердить приведенное выше высказывание, Г.Б. Пономарева обращается к М.М. Бахтину: «Нельзя быть великим в своем времени, величие всегда апеллирует к потомкам», «мертвых любят по-другому, они изъяты из сферы контакта, о них можно и должно говорить в ином стиле. Слово о мертвом стилистически глубоко отлично от слова о живом», — цитирует она. Только речь в этих цитатах идет вовсе не о музеях, не о каких-то общегуманитарных универсалиях, а о типовых чертах конкретного литературного жанра — эпоса. Эпос Михаил Михайлович считал умершим жанром: «Речевые субъекты высоких вещающих жанров — жрецы, пророки, проповедники, судьи, вожди, патриархальные отцы и т.п. — ушли из жизни. Всех их заменил “писатель”, просто писатель, который стал наследником их стилей. Он либо их стилизует (т.е. становится в позу пророка, проповедника и т.п.), либо пародирует (в той или иной степени)»⁴². В жанре эпоса не пишут (чуть ли не со времен Вергилия), потому что он рассказывает о мертвом («...эпический мир отделен от современности, то есть

⁴¹ Там же. — Ст. 2, 16. Ср. из другого базового документа Международного комитета по сохранению памятников и достопримечательных мест — Венецианской хартии: «Памятник неотделим от истории, свидетелем которой он является, и от окружающей среды, где он расположен. Следовательно, перемещение всего памятника или его части не должно допускаться. <...>. Скульптурные, живописные или декоративные элементы, являющиеся неотъемлемой частью памятника, могут быть отделены от него только в том случае, если единственна эта мера может обеспечить их сохранность.<...>. Наслоения разных эпох, привнесенные в архитектуру памятника, должны быть сохранены, поскольку единство стиля не является целью реставрации» (Ст. 7–8, 11. HTML-document: <http://www.archiseasons.ru/venetsianskaya-hartiya/>).

⁴² Бахтин М.М. <Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. — Т. 6. — М., 2002. — С. 388–389.

от времени певца (автора и его слушателей), абсолютной эпической дистанцией»⁴³), наша же культура сконструирована так, что даже Сократ и Платон — в каком-то смысле наши современники⁴⁴, перед которыми мы не столько благоговеем, сколько находимся в диалоге. Взяв эпос за образец, музей, который видит в качестве идеала Галина Борисовна, — это музей об умершем. Возможно, за этим стоит определенная традиция — с фотографий похорон начала свою первую экспозицию В.С. Нечаева: «Простенок. Смерть и похороны Ф.М. Достоевского. Витрина № 2. В витрине: маска, снятая с Ф.М. Достоевского после его смерти — янв. 1881 г. скульптором Бернштамом. На витрине: Ф.М. Достоевский в гробу...»⁴⁵.

Но правда ли, что Достоевский свое отжил?

*Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 13-34-01281
«Музейное достоеведение 1920–30-х годов:
документы, люди, контексты».*

⁴³ Бахтин М.М. Эпос и роман: (О методологии исследования романа) // HTML-document: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/epospom.pdf>

⁴⁴ Ср.: «Идеи Шпенглера о замкнутых и завершенных культурных мирах до сих пор оказывают большое влияние на историков и литературоведов. Но эти идеи нуждаются в существенных коррективах. Шпенглер представлял себе культуру эпохи как замкнутый круг. Но единство определенной культуры — это открытое единство» (Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 6. — М., 2002. — С. 455).

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 792. К. 1. № 38. Л. 27. (Нечаева В.С. Экспозиционный план выставки о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского в музее-квартире писателя в Москве и материалы к нему.)

Борис Тихомиров

ПО ПОВОДУ ПУБЛИКАЦИИ Г. Б. ПОНОМАРЕВОЙ
«КУЛЬТУРНЫЙ ГЛАМУР
ВМЕСТО ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО»

Вынесенный на обсуждение Редсовета текст заведующей Музеем-квартирой Ф.М. Достоевского в Москве Г.Б. Пономаревой порождает однозначно негативную реакцию. Я не говорю сейчас о том возмущении, которое вызывает стиль этого документа: ни в научной, ни в музейной, ни в какой-либо иной профессиональной среде такое отношение к коллегам, которое позволяет себе Г.Б. Пономарева, ни в малой мере не может быть признано допустимым. Ни с чем подобным мне никогда не приходилось сталкиваться в нашем цехе достоевистов. Вызывает недоумение и жанровая природа этого текста. Что это: фельетон? открытое письмо профессору В.А. Викторовичу? отчет о работе, проделанной автором за десятилетия заведования московским Музеем Достоевского? философское эссе о феномене мемориального писательского музея, который, «сохраняя ценности явлений литературы прошлого <...> включает нас в продолжающееся открытие этих ценностей»? или докладная записка, представленная «по начальству»? (обсуждаемый текст был разослан автором в Министерство культуры РФ, Министерство культуры Московской области, дирекцию музея «Зарайский кремль», сектором которого является усадьба Достоевских в деревне Даровое, администрацию города Зарайск и проч.).¹

¹ В сопроводительном письме Г.Б. Пономаревой «президенту Российского общества Достоевского» сказано: «Уважаемый Борис Николаевич, по-

Как ни покажется странным после всех перечисленных разноплановых аспектов этого документа, сама Г.Б. Пономарева усматривает суть своего «печатного выступления» в том, что она в нем «выдвигает конструктивную инициативу». А именно — «инициативу по воссозданию бывшего имения Достоевских» в селе Даровом, где будущий автор «Бедных людей», «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» проводил летние месяцы в 1832–1836 гг. Однако именно потому, что обсуждаемый текст представляет собою невероятный «жанровый микс», что на многих его страницах автор пребывает во власти обуревающих ее эмоций, гневно разоблачая некомпетентность и непрофессионализм своих оппонентов, одновременно сопровождая полемику развернутыми доказательствами собственной опытности и искушенности в вопросах музеификации², — именно поэтому содержательно, внятно и аргументированно представить и развернуть свою «конструктивную инициативу» у Г.Б. Пономаревой не получилось: конкретика отставляемого ею проекта, его научные основания и фактологическая база оказались в документе предельно редуцированными, «утопленными», с одной стороны, в фельетонно-полемических выплесках, а с другой — в предельно общих, абстрактно-философских размышлениях о роли и задачах мемориальных музеев в историческом бытии человечества.

Мне представляется, что текст «Культурный гламур вместо памяти Достоевского», взятый сам по себе, не дает достаточных

сылаю мой текст по поводу проблемы Дарового и в ответ на полемику, начатую В.А. Викторовичем. Надеюсь на ваше внимание к этому материалу. Аналогичный текст посыпается по e-mail адресам Международного общества Достоевского, Пушкинского Дома, ИМЛИ, музеев Достоевского, Фонда Достоевского. В трансформированном и более кратком виде текст адресован в Минкультуры РФ, Минкультуры Московской области, в администрацию г. Зарайска, газеты (для культурной общественности).

² Заслуги Г.Б. Пономаревой на поприще музейной деятельности известны, но меня смущило, что в своем послании, направленном в том числе и в официальные инстанции, автор девять раз пишет ключевое для обсуждаемой темы понятие «музеификация» с орфографической ошибкой («музейификация»), в том числе дважды — в цитатах из статей В.А. Викторовича и А.С. Бессоновой, которые, однако, в своих текстах используют это слово в соответствии с орфографической нормой.

оснований и материала для полноценной научной дискуссии вокруг выдвинутой Г.Б. Пономаревой «конструктивной инициативы». Но есть в позиции Галины Борисовны одно обстоятельство, которое в корне меняет дело. В своем послании она выступает как горячий сторонник и пропагандист проекта «восстановления исторического облика усадьбы» Достоевских, разработанного Т.Г. Бирюковой — бывшей заведующей (в 2000–2002 гг.) филиалом музея-усадьбы Ф.М. Достоевского при Историко-художественном, архитектурном и археологическом музее «Зарайский кремль». Основные положения проекта Т.Г. Бирюковой опубликованы в вышедшей в 2009–2013 гг. четырьмя изданиями ее монографии «Даровое — усадьба Достоевских»³. Фактически эта монография должна рассматриваться как своеобразное «Приложение» к «печатному выступлению» Г.Б. Пономаревой, конкретизирующее и уточняющее позицию последней и максимально полно разворачивающее систему аргументов, лежащих в основе «конструктивной инициативы» автора текста «Культурный гламур вместо памяти Достоевского». При условии широкого привлечения положений монографии Т.Г. Бирюковой, проект которой фактически и «лоббирует» Г.Б. Пономарева, дискуссия о задачах, принципах и самой возможности реконструкции исторического облика усадьбы Достоевского может стать более предметной и содержательной.

Вначале, однако, необходимо несколько конкретнее охарактеризовать суть проблемы, по поводу которой ведется дискуссия. И Г.Б. Пономарева, и ее оппоненты равно констатируют, что гвоздь вопроса — «отсутствие у кого бы то ни было адекватного представления о том, как выглядела усадьба (родителей писателя. — Б.Т.) в 1830-е гг. — период пребывания там Ф.М. Достоевского». «...В Даровом почти все утрачено, кроме природного ландшафта и флигеля», — отмечает в другом месте Г.Б. Пономарева. По-

³ См.: **Бирюкова Т.Г.** Даровое — усадьба Достоевских: проект реконструкции. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ИД МИСиС, 2012. — 75 с. — Тир. 12 экз. Отмечу, что подзаголовок «проект реконструкции», обозначающий статус книги в качестве руководства к практическому действию, появился именно в этом издании (ср.: **Бирюкова Т.Г.** Даровое — усадьба Достоевских: Историческая реконструкция. Судьбы. Портреты. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ИД МИСиС, 2010). Далее с литерой Б. указываю при цитатах страницы этого издания прямо в тексте.

следнее утверждение корректирует Т.Г. Бирюкова: «Флигелек этот не сохранился, но до нас дошло некое строение, называемое ныне Музеем Ф.М. Достоевского...» (Б., с. 21). Действительно, из многочисленных жилых и хозяйственных построек, находившихся в усадьбе Достоевских в 1831–1839 гг., до нашего времени не сохранилось практически ничего. Исключением, и то с серьезными оговорками, может быть назван лишь упомянутый «флигелек», который за минувшие без малого двести лет неоднократно перестраивался, меняя как свой внешний облик, так и внутреннюю планировку. «А мы хотим пережить, приехав в Даровое, „мир Достоевского“», — формулирует сверхзадачу своей «конструктивной инициативы» Г.Б. Пономарева. Что же необходимо делать для решения этой сверхзадачи? Ответ автора документа, озаглавленного «Культурный гламур вместо памяти Достоевского», однозначен и категоричен — «Новодел». То есть надо, засучив рукава и взяв в руки топоры, отстраивать заново усадьбу Достоевских в ее исторически достоверном облике, какой она была 175 лет тому назад, созиная «модель „мира Достоевского“» как «достигнутое органическое целое». «Создать этот мир в условиях мелкопоместной и крестьянской России [?] — наша цель при воссоздании Дарового», — не вполне внятно формулирует Г.Б. Пономарева⁴.

В разрезе так поставленной задачи возникают два существенных вопроса. Во-первых, допустимо ли в принципе, решая вопросы музеефикации Дарового, заниматься новоделом? И во-вторых, существуют ли необходимые и достаточные авторитетные данные (документы, планы, мемуары, фотографии и т. п.) для воссоздания исторического облика усадьбы Достоевских? Г.Б. Пономарева отвечает на оба этих вопроса решительным «да». Ее оппоненты — «нет». В этом и корень разногласий.

Я хочу в первую очередь заострить внимание на втором из поставленных вопросов. Хотя бы уже потому, что отрицательный ответ на него снимает необходимость вести в данном случае более общую и весьма непростую дискуссию по первому во-

⁴ По-видимому, автор имеет в виду, что воссозданная усадьба «как целое» должна воскресить облик ушедшей в прошлое «мелкопоместной и крестьянской России».

просу — о допустимости «новоделов» в современной музейной практике вообще.

Г.Б. Пономарева, выдвигая свою «конструктивную инициативу», исходит из презумпции, что «задачи по реконструкции исторического облика усадьбы Достоевских были успешно решены» и «воссоздание заповедного комплекса в Даровом» «теоретически состоялось» в разработках Т.Г. Бирюковой. Это принципиальное утверждение читатель ее послания должен принять на веру. Однако обращение к монографии Т.Г. Бирюковой, ее тщательное конкретное рассмотрение разочаровывает. При всем уважении, которого заслуживают энтузиазм, энергия, преданность делу автора книги «Даровое — усадьба Достоевских», труд Т.Г. Бирюковой должен быть оценен как весьма далекий от серьезного научного исследования. Это вполне любительская краеведческая эссеистика средней руки, со всеми обыкновенными приметами этого жанра: отсутствием необходимых навыков работы с источниками, поспешностью и легковесностью выводов, стремлением выдавать желаемое за действительное и т. д.⁵

Не имея возможности разбирать все подробности «проекта реконструкции», пропагандируемого автором «конструктивной инициативы», сосредоточусь на главных моментах. Так, в частности, Г.Б. Пономарева называет «открытием» Т.Г. Бирюковой «воскрешение исторического вида флигеля Достоевских». О чем идет речь? Наряду с утраченной «мазанкой» (о которой речь ниже), «флигель», построенный родителями писа-

⁵ Конкретный анализ научного достоинства разысканий Т.Г. Бирюковой будет предпринят ниже, но с порога отмечу, что о характере работы автора с источниками свидетельствует первая же сноска на первой странице монографии, где разработчик «проекта реконструкции» ссылается на книгу [так!]: **Перлов И.П.** Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. — Тула, 1925. — С. 13 [?]. — в то время как эта публикация первого директора Зарайского краеведческого музея представляет собой небольшую статью, опубликованную в изд.: По Тульскому краю: (Пособие для экскурсий). — Тула: Губисполком, 1925. — С. 521–527. Качество же «научного дискурса» Т.Г. Бирюковой выразительно представляет подпись под архивной фотографией на с. 26: «Фото из фондов музея „Зарайский кремль“ с пристройкой людской» (фото — с пристройкой!).

теля в Даровом после пожара 1832 г. — это важнейшая жилая постройка в усадьбе Достоевских. Есть документальные данные, согласно которым до середины 1880-х гг. этот «еще отцовский дом» сохранялся в своем первоначальном виде, хотя и был к этому времени «уже очень стар и очень-очень холоден». К июню 1885 г. сестра писателя, Вера Михайловна Иванова, бывшая с 1852 г. владелицей Дарового, «перестроила или почти вновь выстроила себе» этот домик, который «вышел очень недурен»⁶. В 1887 г. места детства, впервые с детских лет, посетил младший брат писателя, Андрей Михайлович, — и не узнал их. В своем дневнике он записал: «Общая физиономия всей местности, т. е. построений, совершенно изменилась в 50 лет, в которые я не был в Даровом»⁷. А.М. Достоевский специально подчеркивает изменившийся облик «построений». Как можно заключить, сестра писателя, действительно, радикально «перестроила» или, по ее словам, «почти вновь выстроила» «флигелек», именуемый «отцовским домом». И перестройка, о чем свидетельствует дневниковая запись ее брата, коснулась не одного лишь «флигелька», но — за несколько десятилетий — и других «построений».

В XX в. «флигелек» также перестраивался не однажды. На каком-то этапе будет разобрана пристройка с южной стороны дома, где, по-видимому, находилась кухня. Неоднократно меняла свой внешний вид веранда с северной стороны здания. Серьезная перестройка «флигелька» имела место в послевоенные годы, когда в 1950–1970-е гг. в доме располагалась сельская библиотека. В 1990 г., вслед за принятым решением Мособлисполкома «О создании филиала Зарайского историко-художественного музея в с. Даровом — бывшем имении

⁶ Письмо В.М. Ивановой брату А.М. Достоевскому от мая 1886 г. — РО ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 1. № 77. Л. 57-57 об. Впервые опубл. В. А. Викторовичем; см.: **Викторович В.А.** Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом: Материалы междунар. науч. конференции 27–29 авг. 2006 г. — Коломна, 2006. — С. 106. Ссылки на архивные документы без указания первопубликаций, по которым они цитируются автором «проекта реконструкции», еще одна отличительная черта, характеризующая исследование Т.Г. Бирюковой.

⁷ **Достоевский А.М.** Дневник 1887–1888 гг. — РО ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 1. № 3. Л. 7. Выдержка из него опубл.: **Там же.** — С. 102.

Достоевских»⁸, был проведен еще один ремонт-реставрация, при котором зданию частично вернули прежний облик, по-видимому — по фотографиям первой четверти XX в.⁹ Динамику всех этих перестроек еще предстоит подробно изучать, но что ныне «флигелек» выглядит существенно иначе не только по сравнению со своим первоначальным обликом, но и с тем, как он выглядел во времена, когда им владели Ивановы, неоспоримый факт.

Какие же источники позволили Т.Г. Бирюковой сделать «открытие» и восстановить внешний вид «флигелька», каким он был в детские годы Достоевского — в 1830-е гг. (и сохранялся, ветшая, до середины 1880-х гг.)? Процитирую соответствующий пассаж из книги «Даровое — усадьба Достоевских»: «В июне 2006 года в фондах ГЛМ нам показали одну фотографию со словами: «Это тоже имеет отношение к усадьбе Даровое, но не можем сказать, кто здесь запечатлен»...» (Б., с. 22-23). Прерву цитату. Вот выразительный образчик того жанра, который я выше назвал краеведческой эссеистикой. В построениях Т.Г. Бирюковой эта фотография приобретает решающее значение. Однако при строгом научном подходе здесь возникает бездна вопросов, оставшихся без ответа. Кто «в фондах ГЛМ» обратил внимание Т.Г. Бирюковой на этот снимок? Насколько компетентно это лицо решать вопросы его атрибуции? Каково архивное описание этой фотографии: ее происхождение (источник попадания в музейную коллекцию; в составе каких документов поступила)? ее датировка? наконец, шифр ее архивного хранения? На основании чего (особенно если круг изображенных лиц сотрудникам фондов ГЛМ неизвестен) сделано заключение, что «это тоже имеет отношение к усадьбе Даровое»?

⁸ См.: **Нуждина М.А.** Что реставрировать // Педагогія Ф.М. Достоевского. — Коломна: КГПИ, 2003. — С. 214.

⁹ В.И. Полянчев называет «по крайней мере три ремонта, капитальных или поддерживающих, которые коснулись флигеля: в 1955, 1978 и 1990 гг.». Цитирую по работе А.С. Бессоновой, которая ссылается на рукопись: **Полянчев В.И.** Достоевские в Даровом: Хронология событий XIX–XX вв. — 2004 (Бессонова А.С. К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое» // III Летние чтения в Даровом: Материалы науч. конференции 26–28 августа 2011 г. — Коломна, 2013. — С. 150).

И т. д.¹⁰ Со строго научных позиций без ответов на все эти вопросы рассматриваемая фотография отнюдь не может быть введена в круг источников для предпринимаемой исторической реконструкции.

«На фоне бревенчатой избы сидели шестеро [так!] женщин, — дает описание фотографии Т.Г. Бирюкова. — Дом — старый, деревянный, с соломенной крышей, укрепленной жердями; справа можно увидеть край дверного проема...» (Б., с. 23)¹¹. Далее следует анализ: «Лицо женщины в белом платье с поросенком на руках (крайняя справа) показалось нам знакомым: Вера Михайловна Иванова — хозяйка усадьбы, но лет на десять моложе той, которую мы знали по другой, известной фотографии» (Там же). Что на это можно сказать? Т.Г. Бирюковой лицо «показалось знакомым». Мне — нет. Причем качество воспроизведенной фотографии таково (оригинал очень сильно выцвел), что вообще всерьез анализировать сходство не представляется возможным.

Однако анализ продолжается. «Но кто же остальные? Прежде всего подумалось, что это кто-то из близких. <...> Сравнительный анализ портретов, одежда [?], даже животные на руках у женщин [??] — все это не оставляет сомнений [!!] в том, что перед нами ближайшие родственницы писателя» (Там же). Кто же именно? — Три сестры. Кроме Веры Михайловны Ивановой, еще Варвара Михайловна Карепина и Александра Михайловна Шевякова¹². Для доказательности приводятся портреты и двух последних. Причем В. М. Карепина представлена акварельной миниатюрой работы А. И. Стрелковского¹³, выполненной в 1840 г., когда

¹⁰ Фотография эта поступила в фонды ГЛМ в дар от А.Л. Хмырова (правнука В.М. Ивановой). На обороте фотографии неустановленной рукой сделана запись «Даровое (?)» (КУ 14399/8). Таким образом, уже среди потомков владельцев Дарового было сомнение в атрибуции этого снимка. (Благодарю за это указание Т. Ю. Соболь.)

¹¹ Фотография воспроизводится в книге Т.Г. Бирюковой в несколько усеченном виде. Обращение к оригиналу заставляет сомневаться, что справа располагался именно «дверной проем».

¹² Младшая сестра писателя А.М. Шевякова (в первом браке Голеновская) почему-то представлена автором монографии лишь по девичьей фамилии — Достоевская.

¹³ Данные о происхождении, месте хранения или авторитетного воспроизведения портретов сестер писателя также не приводятся.

ей было неполных восемнадцать лет. Сходство вновь более чем сомнительное. А главное, у нас нет никаких данных, что сестры Достоевские когда-либо собирались вместе в Даровом. Но Т.Г. Бирюкова вопроса о документальной доказательности такого съезда родственниц писателя даже не ставит. Ей «показалось», и этого оказывается достаточным. Логику исследовательницы не только в этом пассаже, но и во многих других местах монографии выразительно демонстрирует утверждение о том, что «животные на руках у женщин» не оставляют сомнений: «перед нами ближайшие родственницы писателя». Это вновь яркие приметы указанного мною выше жанра, причем в худших его проявлениях.

Чтобы читатель не потерял нить рассуждений автора «проекта реконструкции», восстановлю уже означенные звенья «анализа» Т.Г. Бирюковой (полагаю, что после курьезного пассажа с «животными на руках» уже имею право брать слово «анализ» в кавычки): кто-то в фондах ГЛМ сказал исследовательнице, что эта фотография «имеет отношение к усадьбе Даровое», — при разглядывании снимка ей «показалось», что на фото изображены «ближайшие родственницы писателя». И далее на основе этих «данных» Т.Г. Бирюкова делает вывод, что сестры Достоевские сфотографированы на фоне «отцовского дома» в его первоначальном виде, то есть до перестройки в середине 1880-х гг.

Вопрос о технической возможности фотосъемки «на пленэре» в провинциальной глупши в первой половине 1880-х гг. (не позднее) исследовательницей также не ставится. Проблема датировки фотографии решается ею «от противного»: «...Дом, на фоне которого они сидят, — пишет Т.Г. Бирюкова, — хоть и похож на скромный усадебный дом (NB! на фото обычная крестьянская изба! — Б.Т.), но с известным изображением дома Ивановых на первый взгляд как-будто [так!] не имеет ничего общего» (Б., с. 24). Замечу, что и на второй, и на третий взгляд и не «как-будто», а вполне однозначно крестьянская изба с подлинно «усадебным домом» Ивановых, как он запечатлен на фотографиях более позднего времени, действительно, «не имеет ничего общего». Но это-то и нужно автору «проекта реконструкции». Ибо вывод Т.Г. Бирюковой таков: значит, перед нами «флигель» Достоевских до той радикальной перестройки «отцовского дома», которую осуществила В.М. Иванова (а фото, следователь-

но, сделано до 1885 г.¹⁴⁾). То есть, другими словами, якобы установлен исторический облик главной жилой постройки в усадьбе Достоевских, как она выглядела в 1830-е гг. Вот афишированное Г.Б. Пономаревой «открытие»!

Есть, однако, еще одно «но». У крестьянской избы, на фоне которой сфотографированы женщины «с животными на руках», три отстоящих друг от друга на равном расстоянии окна, в «усадебном же доме» Ивановых в этой части фасада лишь два окна, а третье расположено гораздо левее, с промежутком, более чем вдвое превышающим расстояние между окнами в крестьянской избе на фото. Но и это не смущает Т.Г. Бирюкову. Ведь Вера Ми-

¹⁴⁾ В такой датировке, однако, заставляют усомниться материалы, приведенные в другой части книги Т.Г. Бирюковой. В главе «История одной династии» автором приводятся две фотографии из альбома М.А. Ивановой, хранящегося в ГЛМ (Б., с. 50-51). На первой из них последняя хозяйка Дарового М.А. Иванова на веранде своего дома с горничной Мариной Широковой, крестьянской девочкой из Дарового. На втором фото эта же Марина Широкова в чуть более старшем возрасте с женщиной средних лет, по-видимому своей матерью. Годы жизни Мариной Сергеевны Широковой известны: 1882–1962 (с ней еще успела встретиться и побеседовать в 1955 г. Г. В. Коган). Возраст Мариной оказывается датирующим для этих фотокарточек. Там, где она сфотографирована на веранде с М.А. Ивановой, ей лет 16 (Т.Г. Бирюкова полагает, что 13). Это позволяет датировать фото примерно 1898 г. На фотографии с матерью ей лет 18–20, значит это 1900–1902 г. Чем привлекли Т.Г. Бирюкову эти фотографии? И чем они важны для нас? Автор монографии, сравнив вторую из названных фотографий с коллективным портретом «шестерых женщин» на завалинке, усмотрела сходство одной из неизвестных на групповом фото с матерью Мариной Широковой, но — с поправкой на возраст (лет на 15 моложе). Однако размещение всех фотографий (включая фрагмент груповой) на одном развороте книги позволяет наглядно обнаружить, что действительное сходство (причем весьма близкое) обнаруживается у матери Мариной отнюдь не с неизвестной, на которую указывает Т.Г. Бирюкова, а с сидящей с правого края женщиной с поросенком на руках — той самой, которую ранее исследовательница атрибутировала как хозяйку Дарового В.М. Иванову. Причем — и это главное — пожилые женщины на обеих фотографиях находятся примерно в одном и том же возрасте. Значит, и груповая фотография сделана примерно в то же время, что и фото Мариной Широковой с матерью, то есть не ранее конца XIX — начала XX в. И если это так, то из этого следует, что снимок крестьянской избы, на фоне которой сфотографированы «шестеро женщин», к «отцовскому дому», перестроенному в 1885 г., не может иметь никакого отношения.

хайловой, по собственным словам сестры писателя, «перестроила или почти вновь выстроила себе домик». А так как в старом «флигельке» Ивановы «чуть-чуть не замерзали по зимам» (слова из того же письма брату Андрею от мая 1886 г.), то вот хозяйка и распорядилась при перестройке заложить одно из четырех окон. При любом подходе подобное умозаключение — уже область свободных фантазий, требующих, как минимум, проверки «путем натурного обследования сруба» (предложение В.А. Викторовича¹⁵⁾). Но подобными методиками при реконструкции исторического облика «флигеля» Т.Г. Бирюкова пренебрегает.

Вместо этого исследовательница предлагает, выражаясь ее словами, «реконструкцию „наоборот“», выполненную «с помощью компьютерной технологии» (Б., с. 24). Она сводит в «едином масштабе»¹⁶ фотографию с женщинами на завалинке и одну из позднейших фотографий усадебного дома Ивановых и констатирует «абсолютное совпадение боковых осей окон на двух <...> снимках и адекватность второго „виртуального“ окна слева у деревянного дома (имеется в виду бревенчатого, крестьянского. — Б.Т.) соответствующим его параметрам у дома Ивановых» (Б., с. 25). О правомочности подобной «реконструкции „наоборот“» оставляю судить специалистам по деревянной архитектуре. Мои же замеры и непосредственное зрительное впечатление от использованной фотографии «усадебного дома» свидетельствуют, что если на том же расстоянии, которое разделяет два правых окна, «прорубить» в фасаде еще одно такое же окно, то промежуток между ним и существующим левым окном будет на треть меньше (вопреки компьютерной «реконструкции» Т.Г. Бирюковой), чем между двумя правыми окнами. Это наблюдение заставляет меня и здесь усомниться в надежности использован-

¹⁵⁾ Викторович В.А. О «сакральном» музееведении // III Летние чтения в Даровом. — С. 225.

¹⁶⁾ Пользуюсь в данном случае формулировкой из 2-го издания книги «Даровое — усадьба Достоевских» (М., 2010. — С. 23). В 3-м, исправленном издании тут появляется уже совсем неудобоваримое изложение: «С помощью компьютерной технологии мы создали проекцию фасадов „неизвестного“ деревянного дома с обновленным домом Ивановых и вот что увидели» (Б., с. 24). Если методика применения этой «компьютерной технологии» соответствует ее описанию автором, то оценка результатов представляется самоочевидной.

ной исследовательницей методики. У самой же Т.Г. Бирюковой полученные ею результаты «реконструкции “наоборот”» «не оставляют сомнений¹⁷ в том, что деревянный дом, на фоне которого сделан групповой портрет, не что иное как флигель, построенный Достоевскими после пожара» (Там же).

Не вызывают сомнений полученные Т.Г. Бирюковой результаты и у Г.Б. Пономаревой, которая, вдохновившись ими, зовет музейщиков «к топору», а именно выходит с «конструктивной инициативой» на месте существующего «некоего строения, называемого ныне Музеем Ф.М. Достоевского», строить крестьянскую избу под соломенной крышей по указанной фотографии, атрибутированной ее единомышленницей.

Но это еще полдела. На фотографии «шестерых женщин» на фоне крестьянской избы, взятой идеологами «новодела» за основу, изображен только центральный фрагмент постройки (часть западного фасада), не позволяющий заключить, как выглядел этот дом с северной и южной сторон. В усадебном домике Ивановых с северной стороны находилась веранда (в перестроенном виде существующая и ныне), с которой в дом вел парадный вход, с южной же стороны существовала пристройка, игравшая, по-видимому, роль кухни. Какова участь этих элементов здания согласно «реконструкции» Т.Г. Бирюковой?

С ними исследовательница разделяется легко, как говорится, одним росчерком пера. «С левой стороны дома Ивановых видим (на фотографиях первой четверти XX в. — Б.Т.) крыльцо веранды, которая позднее не раз перестраивалась, — пишет Т.Г. Бирюкова. — Нам кажется излишним говорить, что у старого флигеля Достоевских с соломенной крышей не могло быть никакой веранды» (Б., с. 25). Этот пассаж также хорошо демонстрирует принципы работы автора «проекта реконструкции». Приведенный вывод сделан Т.Г. Бирюковой на основе собственных же построений: ведь о том, что исторический «флигелек» действительно был крыт соломой, нет никаких документальных

¹⁷ Во 2-м издании здесь стояло: «не оставляют ни малейшего сомнения». Не свидетельствует ли возникшее при редактировании 3-го издания некоторое ослабление степени категоричности утверждения, что в «гомеопатической доле» (как выражался черт Ивана Карамазова) сомнение у автора все-таки остается?

свидетельств, кроме осуществленной самой исследовательницей сомнительной атрибуции фотографии с сидящими женщинами.

Возникает, однако, и другой вопрос: если не было веранды, то как же выглядела северная сторона здания в годы детства писателя? Как и что строить в этой части дома, возводя «новодел»? Тут, очевидно, фантазия Т.Г. Бирюковой истощилась, и на «Плане флигеля Достоевских 1832–1839 гг.» (Б., с. 28), включенном в книгу, она просто рисует с северной стороны глухую шестиметровую стену. Вновь решение более чем сомнительное, а главное — совершенно бездоказательное. Исследовательница же кладет свое допущение в основу дальнейших построений, теперь уже касающихся внутренней планировки «флигелька»: «Когда Ивановы поставили веранду, появился еще один вход — парадный. Новый вход предполагал прихожую, которая создавала бы необходимую дистанцию между улицей и внутренним (семейным) пространством дома» (Там же)¹⁸. Так предположение громоздится на предположение. И надо с прискорбием признать, что это главенствующий метод разработки обсуждаемого «проекта реконструкции» усадьбы Достоевских.

¹⁸ В качестве подтверждения своей точки зрения Т.Г. Бирюкова ссылается на свидетельство «старожила Дарового К. П. Романовой». Та «долгое время — примерно 50-е — 70-е гг. ХХ века — работала в библиотеке, которая размещалась во флигеле», и подтверждает, что «такая прихожая была» (Б., с. 28). Исследовательница просто не замечает, что из свидетельства информанта нашего времени о том, что в ее бытность здесь библиотекарем «такая прихожая была», вовсе не следует, что во времена Достоевских такой прихожей не было. С другой стороны, из этого показания нельзя заключить и о том, что во времена Ивановых прихожая существовала именно в таком виде, как ее запомнила старожил Дарового. Такой вид она могла приобрести, например, в 1950-е гг., когда в здании наряду с библиотекой размещалось правление колхоза. Кстати, по приведенному свидетельству Романовой, из прихожей «были две двери: одна вела прямо — в сторону помещения, выходившего во двор, другая — налево в гостиную» (Там же). На реконструкции же Т.Г. Бирюковой («План дома Ивановых 1885–1929 гг.») прихожая парадоксальным образом выходит в... переднюю (согласно словарю Ожегова, это синонимы), которая в свою очередь имеет двери в сени, но не имеет входа в жилые помещения. Вместе прихожая и передняя на этом плане занимают ровно треть господской части дома, образуя странную, разделенную перегородкой «галерею», идущую вдоль всего западного фасада дома. Все эти несообразности надо расценивать как дополнительные свидетельства произвольности и непродуманности построений автора «проекта реконструкции».

С пристройкой с южной стороны дома исследовательница разделяется тоже легко. «...У Ивановых мы видим справа от входа бревенчатую (то есть не обшитую досками. — Б.Т.) пристройку, которой не было у флигеля Достоевских (по воспоминаниям А.М. Достоевского)...» (Б., с. 26). Прерву и здесь цитату. Вот вновь образчик отсутствия у автора «проекта реконструкции» навыков работы с источниками. Ссылки на соответствующий текст брата писателя Т.Г. Бирюкова здесь не дает, и у читателя может сложиться впечатление, что Андрей Михайлович действительно отметил появление не существовавшей в его детстве пристройки к «флигелю», например, в своем дневнике, где описал впечатления от посещения Дарового в 1887 г. Но ничего подобного в его дневниковой записи мы не находим. Значит, речь идет о знаменитых мемуарах А.М. Достоевского. Однако в научных исследованиях издавна утвердился общепринятый принцип, согласно которому отсутствие упоминания в мемуарном источнике того или иного факта еще не означает непреложного отсутствия его в действительности¹⁹. В нашем же случае брат писателя вообще не описывает в своих воспоминаниях этой жилой пристройки своего детства, а лишь несколько раз (трижды) упоминает «вновь отстроенный» «небольшой флигелек для нашего пребывания»²⁰, отличая его от сохранившейся при пожаре «мазанки». И все! Доказательность в этом случае ссылки Т.Г. Бирюковой на мемуары А.М. Достоевского заинтересованный читатель вполне может оценить самостоятельно²¹.

¹⁹ Когда ей это удобно, так рассуждает и Т.Г. Бирюкова. В частности, она пишет: «В “Воспоминаниях” А.М. Достоевского конюшня как таковая не фигурирует, но само собой разумеется, что на усадьбе Достоевских она была...» (Б., с. 35).

²⁰ Достоевский А.М. Воспоминания. — СПб., 1992. — С. 59, 64, 74. В последнем случае «вновь отстроенный флигелек», именуя так «отцовский дом», мемуарист упоминает, описывая события конца июля 1835 г. Не означает ли это, что на смену на скорую руку построеному в 1832 г., после пожара, «флигельку», через три года выстроили новый, более основательный? Такое допущение еще больше проблематизирует возможность восстановления облика усадьбы, какой она была в годы детства писателя.

²¹ Кстати сказать, А.М. Достоевский не упоминает в своих мемуарах и сени, которые, как полагает Т.Г. Бирюкова, были пристроены к «флигельку» с южной стороны. Однако это не мешает автору «проекта реконструкции» уверенно (и вполне произвольно) изобразить эти «сени» на уже упомянутом «Плане флигеля Достоевских 1832–1839 гг.» (Б., с. 28).

Но, возможно чувствуя уязвимость в этом пункте своей аргументации, исследовательница решает усилить ее. Вслед за апелляцией к воспоминаниям брата писателя она пишет: «Эта пристройка заменила новым владельцам (то есть Ивановым. — Б.Т.)²² ветхую людскую Достоевских, на месте которой построили каретный сарай. Новая “людская” не имеет к старому флигелю никакого отношения...» (Б., с. 26)²³. Выше я обозначил функциональную роль этой пристройки, определив ее как «кухню». К такому мнению склоняются специалисты, проводившие на месте этой пристройки археологические раскопки. Версия «людской» представляется им менее предпочтительной²⁴. Но Т.Г. Бирюкова категорически и однозначно настаивает на «людской». С какой целью? Странице далее исследовательница делает такое умозаключение: «Когда же М. А. Достоевский приблизил к себе (после смерти жены. — Б.Т.), то есть взял в дом, девушку Катерину, он вынужден был, по свидетельству сына Андрея Михайловича, отвезти дочерей Варю и Верочку в Москву, к тетушке Александре Федоровне Куманиной. Почему? Потому, утверждаем мы, что в одном помещении с отцом девочкам находиться

²² Делаю уточнение, ибо к середине 1880-х гг. семья Ивановых владела Даровым уже более 30 лет, и непонятно, почему Т.Г. Бирюкова называет их «новыми владельцами».

²³ А.С. Подъяпольский высказал заслуживающее внимания предположение, что когда летом 1837 г. М.А. Достоевский с детьми переехал в Даровое на постоянное жительство, перевезя сюда всю обстановку из московской квартиры в Марининской больнице, то в новых обстоятельствах старый «флигелек» «по всей видимости, был переоборудован (перестроен) для круглоодичного житья» (Подъяпольский А.С. Из истории Дарового // Ф.М. Достоевский в диалоге культур: Материалы междунар. науч. конференции 25–29 авг. 2009 г. — Коломна, 2009. — С. 200). И обсуждаемая пристройка (с другими новациями) могла появиться как раз в это время. Это, конечно же, тоже лишь гипотеза. Но, в отличие от Т.Г. Бирюковой, Подъяпольский ее и излагает как исследовательское предположение. Эти соображения, как и многие подобные, автор «проекта реконструкции» рассматривать не считает необходимым.

²⁴ См.: Сыроватко А.С. Археологические исследования усадьбы Достоевских в Даровом // III Летние чтения в Даровом. — С. 107 и след. При первой характеристике пристройки автор, назвав ее «кухней», замечает для точности: «по другой версии, „людская“» (имея в виду точку зрения, отстаиваемую Т.Г. Бирюковой), однако затем, уже без оговорок, многократно именует пристройку «кухней».

было невозможно. То есть это говорит в пользу отсутствия пристройки у флигеля Достоевских» (Б., с. 26). Этот вывод, видимо, надо понимать в том смысле, что в «людейской» Михаил Андреевич мог бы поселить 15-летнюю Варвару и 8-летнюю Веру для удобства своих «любовных утех» с Катериной (а вот «кухня» на этот случай не очень годилась). Но ведь существовала же и используемая для господского жилья «плетневая мазанка», где сестры, если это так уж требовалось²⁵, могли бы жить отдельно от родителя²⁶. Однако, придавая в других местах своей монографии вопросу о «плетневой мазанке» исключительное значение, Т.Г. Бирюкова, развивая данный «сюжет», о ней как-то забывает. Увы, беллетристика, как можно видеть, в подобных построениях автора «проекта реконструкции» существенно преобладает над научным анализом.

Кстати, в главе, уже специально посвященной «мазанке», исследовательница, наоборот, забывает, что в послепожарном Даровом Достоевские жили главным образом во «вновь отстроенном флигельке». В частности, стремясь «теоретически» восстановить облик «мазанки», Т.Г. Бирюкова солидаризируется с В.С. Нечаевой, которая «видит в воспоминаниях Вареньки (героини «Бедных людей». — Б.Т.) деревенский дом Достоевских в Даровом». Настаивая, что речь должна идти о более внушительном «деревянном доме, обитом плетнем и обмазанном глиной», она цитирует следующий пассаж из романа: «Прибежишь, запыхавшись, домой: дома шумно, весело; раздадут нам всем детям работу: горох или мак щелушить. Сырые дрова трещат в печи...» — и вслед за этим замечает: «Трудно представить себе, чтобы тепло могло сколько-нибудь удерживаться в помещении со стенами максимум в два пальца; и как на такой хрупкой опоре могли удержаться балки с потолком, отделяющие помещение от соломенной крыши с проходящей сквозь нее кирпичной трубой» (Б., с. 11).

²⁵ Однако приехавший в Даровое летом 1838 г. (когда сестры уже были отправлены в Москву) А.М. Достоевский «ничего ненормального в жизни отца не заметил, несмотря на свою наблюдательность» (Достоевский А.М. Воспоминания. — С. 103).

²⁶ Так, например, летом 1835 г. дети были поселены в «мазанке», когда у их матушки, Марии Федоровны, подошло время рожать младшую дочь Александру (см.: Там же. — С. 74).

Я также считаю предположение В.С. Нечаевой вполне правдоподобным. Но стоит лишь сообразить, что «сырые дрова трещат в печи», находящейся не в «мазанке», а в бревенчатом «флигельке», и приведенная апелляция Т.Г. Бирюковой к «художественному свидетельству» из романа «Бедные люди» рассыпается в прах. Перед нами вновь образчик любительского краеведения, характерной чертой которого является неспособность рассматривать и анализировать свой предмет последовательно и в системе.

Возражая руководителю многолетних (2005, 2008, 2009) археологических раскопок в усадьбе Достоевских А.С. Сыроватко, отмечающему сложность поисков следов «мазанки», обусловленную «противоречивостью сведений о ее местоположении, отсутствием четких критериев выделения такой постройки»²⁷, Г.Б. Пономарева заявляет: «Никакой противоречивости нет: описания и сведения от брата писателя однозначны, недвусмысленны и не могут быть истолкованы как-то иначе». Однако большая часть главы о «мазанке» в монографии Т.Г. Бирюковой как раз посвящена усилиям снять противоречие между текстом воспоминаний А.М. Достоевского и результатом археологического раскопа на том месте, где они с Г.Б. Пономаревой считают нужным воссоздавать «плетневый, связанный глиною, на манер южных построек, флигелек».

Археологи в раскопе 2009 г. обнаружили на этой территории остатки фундамента и основание печи. «И печь, и фундаменты <...>, — пишет А.С. Сыроватко, — могут быть датированы по фабричным гвоздям, найденным между камнями, в растворе. <...> Вероятнее всего, эти постройки (или постройка) также должны быть отнесены ко времени Ивановых»²⁸. Но с этим выводом специалиста-археолога категорически не согласна Т.Г. Бирюкова: нет, фундамент и печь относятся к «мазанке» Достоевских 1830-х гг. Тут, однако, для исследовательницы (в отличие от автора «конструктивной инициативы») и возникает проблема: «Обнаруженный археологами в 2009 г. контур фундамента печки (160 x 190 см) <...> указывает на то, что она была большая,

²⁷ Сыроватко А.С. Археологические исследования усадьбы Достоевских в Даровом. — С. 111.

²⁸ Там же. — С. 117.

с лежанкой <...>. Между тем, описание его (строения. — Б.Т.) А.М. Достоевским — “маленький, плетневый, связанный глиною на манер южных построек...” — входит в противоречие с возможностью совместимости такого эфемерного строения с весьма громоздкой конструкцией, какой являлась русская печка с лежанкой, требовавшая надежных перекрытий с потолком» (Б., с. 11).

В поисках разрешения этого ею же означенного противоречия Т.Г. Бирюкова ссылается (вполне произвольно) на воспоминания поэта Афанасия Фета, долженствующие поддержать ее попытку заменить мемуарную «мазанку» А.М. Достоевского на «заезжую избу»; приводит не идущую к делу, как я показал выше, цитату из «Бедных людей», а также наблюдения над крестьянскими постройками в сельце Даровом... Заканчивает же она эти усилия таким пассажем: «Спрашивается, как в таком случае, объяснить характеристику, данную так называемой мазанке А.М. Достоевским — архитектором по профессии <...>. Ответ нам видится в самом названии его книги: он писал ВОСПОМИНАНИЯ. Его описание более служит воссозданию ее наружного вида, нежели является технической характеристикой строения в целом» (Б., с. 12. Прописные буквы Т.Г. Бирюковой). Глубокомысленное суждение! Однако стоит перечитать обсуждаемый текст, и мы увидим, что автор воспоминаний в данном случае именно изъясняется как архитектор, характеризуя «мазанку» как «маленький (противоречие с «громоздкой» русской печью с «большой лежанкой» сохраняется. — Б.Т.), плетневый, связанный глиною, на манер южных построек, флигелек», замечая далее, что он «был крыт соломою»²⁹. А.М. Достоевский ссылается здесь отнюдь не на тип местных крестьянских построек, представляющих собою «деревянные дома, обитые плетнем и обмазанные глиной» (Б., с. 12), но прямо отсылает понимающего читателя к типу южных плетневых мазанок, вплоть до середины XIX в. характерных для российских степных районов, стены этих мазанок строились из кольев и жердей, оплетенных хворостом и оштукатуренных глиняным раствором. Возможно, историк архитектуры меня в чем-то может здесь поправить, но за точность анализа мемуарного текста А.М. Достоевского я отвечаю.

²⁹ Достоевский А.М. Воспоминания. — С. 59.

Г.Б. Пономарева спорит также с А.С. Сыроватко по поводу квалификации фрагмента постройки, который виден на фотографии первой четверти XX в. неподалеку от усадебного дома Ивановых, близ того места, где в 2009 г. археологи делали раскоп. А.С. Сыроватко определяет это здание как «хозяйственную постройку». Г.Б. Пономарева возражает, что воспроизведенная в статье Сыроватко «подпись под фотографией абсолютно произвольная и никак не обоснована». Отнюдь: специалист-археолог мотивирует данную квалификацию в своей логике: «...наш опыт раскопок показал, что жилая постройка выдаст себя не только строительными остатками, но и выразительным комплексом находок, а он-то как раз и не найден. <...> Видимо, “мазанку” смогли бы распознать сравнительно легко — если бы нашли»³⁰. Но для Г.Б. Пономаревой и Т.Г. Бирюковой такая аргументация неприемлема. Потому что они «мазанку» уже нашли... на указанной фотографии XX в. Для реконструкции же осталось только «“заменить” железную крышу на соломенную и снять часть штукатурки» (Б., с. 14). Что тут скажешь?..

Однако остается вопрос: на фотографии вновь виден лишь фрагмент постройки (ее северо-западный угол). Как же, исходя из чего восстанавливать ее в полном виде? Т.Г. Бирюкова, разбивая «проект реконструкции», формулирует задачу по-своему: необходимо «идентифицировать видимую и невидимую части» (Б., с. 13). Что же сие означает? Вот как это понимает сам автор. Исходя из наблюдения, что единственное (и то запечатленное на фотографии не полностью) окно постройки «отстоит от торца достаточно далеко», Т.Г. Бирюкова заключает, что «окошко было немного — три или четыре» (Там же). И затем просто дорисовывает (даже не прибегая к «компьютерным технологиям») западный фасад таким нехитрым способом воскремленной из небытия «мазанки». Почему из указанных ею же вариантов она выбрала три, а не четыре окна; почему с такой легкостью осуществленная «идентификация» невидимой части исключила, что с этой стороны фасада могла бы быть, например, и дверь, — автор «проекта реконструкции» не считает нужным объяснить. Только помещает на соседней странице фотографию крестьянской избы в Даро-

³⁰ Сыроватко А.С. Археологические исследования усадьбы Достоевских в Даровом. — С. 117.

вом, которая «была снесена несколько лет назад» и которая «может служить живой иллюстрацией того, что представляла собой плетневая мазанка Достоевских» (Б., с. 15).

Но и это еще не все. Я опрометчиво заметил выше, что Т.Г. Бирюкова «просто дорисовывает» фасад «мазанки». Нет, не просто, а на основе определенной методики. Правда, в разных изданиях своей монографии она представляет эту методику по-разному. Во 2-м издании читаем: «Реконструкция <...> выдержана в пропорциях, заданных снимком и обусловленных расстоянием между курганами, что дает основание судить о максимальной в наших условиях достоверности пропорций»³¹. Очевидно, позднее найдя, что это звучит не вполне вразумительно, в 3-м издании автор меняет не только формулировку, но и описание самой методики: «Реконструкция <...> выдержана в пропорциях, заданных снимком и обусловленных параметрами обнаруженного во время раскопок 2009 года ленточного фундамента, подтвердившего историческое местонахождение здесь мазанки...» (Б., с. 14).

Итак, мы вновь вернулись к результатам работы археологов. Но их позиция по данному вопросу нам уже известна. Вот что, однако, стоит отметить. Осуществляя описанную «идентификацию», Т.Г. Бирюкова в итоге восстанавливает облик воскрешенной ею «мазанки», которая оказывается не только не меньше, но даже больше протяженностью по фасаду, чем «вновь отстроенный» после пожара «отцовский дом» Достоевских! Может быть, такой результат как-то и корреспондирует с упомянутой выше «весьма громоздкой <...> русской печкой с лежанкой», каковую автор проекта непреложно помещает внутрь «мазанки», но с текстом воспоминаний А.М. Достоевского, характеризующего «мазанку» как «маленький флигелек», в котором «всем нам помещаться было тесно»³², это никак не вяжется.

Начиная эти заметки, я предполагал детально проанализировать научную состоятельность всех аспектов разработанного Т.Г. Бирюковой и пропагандируемого Г.Б. Пономаревой проекта реконструкции усадьбы Достоевских в Даровом. Однако в процессе работы обнаружилось столько претензий и замечаний, ка-

³¹ Бирюкова Т.Г. Даровое — усадьба Достоевских. — М., 2010. — С. 12.

³² Достоевский А.М. Воспоминания. — С. 64.

сающихся методологии, системы аргументации, логики изложения автора проекта, что мой текст угрожал выйти за все мыслимые пределы, отведенные мне на страницах альманаха. С другой стороны, как представляется, экстенсивное рассмотрение иных разделов исследования Т.Г. Бирюковой уже и избыточно для поставленной в настоящих заметках задачи: качество научных изысканий автора монографии «Даровое — усадьба Достоевских: Проект реконструкции» вполне раскрыто в серии приведенных выше наблюдений и критических оценок и должно быть расценено как неудовлетворительное. Дальнейший анализ способен только подтвердить и укрепить данную оценку. Тем более что важнейшие объекты, своеобразные центры «проекта реконструкции» — «отцовский дом» и «мазанка» — мною уже рассмотрены.

Что же мы имеем в итоге? Не знаю, удалось ли мне убедить читателя, но для меня самого вывод очевиден. «Настоящая публикация», — заявляет во вступительной статье к своей монографии Т.Г. Бирюкова, — является итогом проделанной работы, которая впервые за прошедшие 180 лет позволяет не только составить представление об имени Достоевских, но и дает научную базу для создания проекта его реконструкции» (Б., с. 6).³³ Такую, нечасто встречающуюся в серьезной научной литературе авторскую самооценку вполне разделяет и рецензент книги — заслуженный деятель культуры РФ, кандидат филологических наук (сведения с оборота титульного листа)³⁴ и одновременно ав-

³³ Этот текст почти тождественно, лишь с заменой 100 лет на 180, перенесен в 3-е издание монографии из 2-го. Его буквальный смысл в том, что исследованием Т.Г. Бирюковой заложена необходимая «научная база» для последующего «проекта реконструкции» усадьбы Достоевских в Даровом. Однако в 3-м издании практически тот же текст представлен в подзаголовке монографии как уже осуществленный «Проект реконструкции». Буквально этими же словами его аттестует в своей публикации и Г.Б. Пономарева. Полагаю, что идеологи «новостроя» все-таки поторопились, и появление в 3-м издании новых фотографий, на которых две проекции объемно изображенных авторских реконструкций «отцовского дома» наклеены сверху на современный пейзаж Дарового, отнюдь не превращает эту краеведческую беллетристику в действительно по всем правилам и с соблюдением всех необходимых нормативов исполненный проект.

³⁴ Отмечаю это, поскольку Т.Г. Бирюковой на страницах этой же книги Г.Б. Пономарева аттестована как «доктор филологических наук», причем как во 2-м, так и в 3-м, исправленном издании монографии (Б., с. 7).

тор публикации «Культурный гламур вместо памяти Достоевского» Г.Б. Пономарева, с точки зрения которой, как я уже отмечал, «воссоздание заповедного комплекса в Даровом» в труде Т.Г. Бирюковой «теоретически состоялось». Я категорически не могу согласиться с подобной оценкой и стремился в своих заметках показать, что уж чего-чего, а именно «научной базы» — в части систематического подхода, взвешенной и серьезной аргументации, полноты привлечения и критического анализа источников, строгой логики изложения и т. д. — как раз и нет в монографии «Даровое — усадьба Достоевских». И мне совершенно непонятно, как искушенный музейный работник Г.Б. Пономарева может не только этого не видеть, но и обращаться в высокие инстанции с «конструктивной инициативой» принять и осуществить этот «проект реконструкции» на практике.

Ни минуты не сомневаюсь, что осуществление этого проекта грозит Даровому — земле детства Достоевского — не менее чем смертельной катастрофой!

И последнее. Г.Б. Пономарева мыслит грядущее мемориальное Даровое как «целое в бытийной нерасторжимости человеческого и природного на исторический момент пребывания там Достоевских». Однако именно осмыслившего, последовательно проведенного и бережного отношения к природной составляющей мемориального комплекса в Даровом напрочь нет в «проекте реконструкции» Т.Г. Бирюковой. Ни липовый парк, ни Фединя роща, ни фруктовый сад вообще не заслужили специального внимания автора книги «Даровое — усадьба Достоевских». И как раз наоборот, в теоретической и практической деятельности В.А. Викторовича, А.С. Бессоновой, их единомышленников и помощников по изучению, сохранению, подготовке к музееификации обширной мемориальной природной территории Дарового огромная заслуга оппонентов Г.Б. Пономаревой. Однако именно с ними она так яростно и несправедливо сражается!

Странно, что в числе прочих грехов Г.Б. Пономарева упрекает их в... «волонтеристском подходе» к проблемам Дарового. «Волонтеризм», расхожее лет пятьдесят назад словцо из политического лексикона постхрущевской эпохи, сегодня поминается редко. Означает оно (в контексте нашей дискуссии) искусственное, не считающееся с реальностью вторжение в «живую

жизнь», волевое навязывание ей чуждых ее духу субъективных решений и проектов. Вот уж чего нет в позиции В.А. Викторовича и А.С. Бессоновой, которые, с одной стороны, концептуально рассматривают Даровое как «единое историко-культурное и природное пространство»³⁵, а с другой — на практике бережно и рачительно относятся к его природной среде, уникальному по своей сохранности природно-культурному ландшафту, всемерно заботятся об их сохранении, естественном регулировании и восстановлении. И наоборот, дух волонтизма как раз оказывается в «проекте реконструкции» Т.Г. Бирюковой и Г.Б. Пономаревой, который предполагает разрушение, уничтожение того, что сохранилось, что есть, ради построения в значительной степени, как я стремился показать, выдуманной, «фантазийной» и научно несостоятельной «модели “мира Достоевского”» «в условиях мелкопоместной и крестьянской России».

³⁵ Бессонова А.С. К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое». — С. 150.